

АНДРЕЙ СОКОЛОВ

АХТУНГ. РУССКИЕ. НЕМЦЫ. (ДЕВЯТАЕВ)

по мотивам повести «**Побег из ада**» Михаила Девятаева

© ООО Кинокомпания «Мэйджор Фильм»#

Тел. 7 (925) 502-63-48

Факс 7(499)158-42-79

e-mail: filyukov@mfilm.ru

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ТОННЕЛЬ – НОЧЬ.

Подземный тоннель, всего полметра до поверхности. Его очень осторожно продолжают рыть вроде бы люди, вроде бы призраки – обнаженные, черные тени почти сливаются с темнотой. Наверху – прямо над ними – зазвучали немецкая речь и пиликание губной гармошки. Один из копающих заключенных – с удивительно прозрачными на черном лице голубыми глазами – поднимает предупреждающе руку – все замерли.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – НОЧЬ.

На земле двое охранников идут, разговаривают на немецком, курят. Они останавливаются, и один из немцев делает некое танцевальное па, что-то вроде чечетки.

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ТОННЕЛЬ – НОЧЬ.

Люди под землей, и Михаил Девятаев – парень с голубыми глазами – удивленно переглядываются, смотрят в потолок. Музыка и «танцы» – это что-то необычное.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – НОЧЬ.

Солдаты подходят к воротам концлагеря, над которыми вывеска на немецком языке «Кляйнкенигсберг».

ТИТРЫ: СЕНТЯБРЬ 1944. ЛАГЕРЬ КЛЯЙНКЕНИГСБЕРГ. ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ.

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ТОННЕЛЬ – НОЧЬ.

Девятаев сидит в подкопе, прислонившись к стене. Прислушивается к звукам наверху, к речи немцев, к лаю собаки. Он закрывает глаза.

ЭКСТ. ДВОР У ДЕРЕВЕНСКОГО ДОМА – ДЕНЬ.

Во дворе вокруг чумазого мальчика с голубыми глазами вертится Дик – уже почти взрослый пес. Голос пса «ломается», и он лает басом, иногда сбиваясь на визг.

ТИТРЫ: ЛЕТО 1924. ТОРБЕЕВО. МОРДОВИЯ.

МАТЬ

Мишка! Бросай собаку, иди в дом!

ИНТ. ГОРНИЦА – ДЕНЬ.

Ослепительное солнце затопило горницу, большой деревянный стол, посередине которого стоит чугунок со щами.

Обед. Миша, самый маленький среди братьев и сестер, тринадцатый в семье, садится около матери.

Мать - усталая женщина с такими же пронзительно голубыми глазами - один раз бьет деревянной ложкой по краю чугунок, после этого каждый половником наливает себе щи в плошку.

Лишь только для Мишки исключение – ему пока наливает мама.

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ТОННель – НОЧЬ.

Наверху все стихло. Девятаев кивает своим людям. Они начинают снова копать. Кто чем: мисками, ложками, ногтями, только у одного - саперная лопатка.

Они ссыпают землю на небольшой противень из кровельного железа и вытаскивают его в пространство между полом их барака – тоже полуметровое – и землей.

По одному вылезают из узкой щели в барак.

ИНТ. БАРАК – РАССВЕТ.

«Землекопы» идут в умывальню.

Девятаев встает «на сухере», остальные пятеро - моются.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – УТРО.

Девятаев с чистым лицом выходит на улицу, глубоко дышит. Щурится на яркое солнце после крошечной тьмы тоннеля. Он смотрит прямо на диск – не пытаясь прикрывать глаза ладонью.

ЭКСТ. У АЭРОДРОМА – УТРО.

Солнце – ясное, полуденное - в зените. Воздух «звенит», облаков мало, они легкие, перистые.

Девятаев в летной куртке сидит на пеньке у небольшого домика. Смотрит, так же щурясь на солнце, в руке у него – треугольник со штемпелями - письмо.

Рядом на поле – выстроились самолеты. Идут постоянные взлеты – посадки.

ТИТРЫ: ИЮЛЬ 1944. ЗАПАДНАЯ УКРАИНА.

ГОЛОС ФАИ

Здравствуй, мой любимый Мишка! Пишет тебе твоя, надеюсь, горячо любимая, жена Фая – твой татарчонок. Та самая, которой ты, доблестный сталинский сокол, находясь в отпуске в древнем и славном городе Казани, восемь месяцев назад безнадежно испортил фигуру. Ага, испугался моего гнева. То – то же.

Подходит командир звена Владимир Бобров, садится рядом, достает папиросу, тоже смотрит на солнце.

БОБРОВ

Ну что, Мордвин, собирайся – вылетаем!

ДЕВЯТАЕВ

Так на сегодня вроде пошабашили? Два вылета уже было?!

БОБРОВ

Тут тебе и третий. Но это последний! Дальше солнце уйдет.

ЭКСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

На горизонте появляются черные точки, штук десять – двенадцать, попарно. Слышится очень слабый звук авиационных моторов, самолеты сначала не в кадре, звук нарастает. Наконец он становится настолько мощным, что «материализуется» в самолеты. На фюзеляжах у них звезды, это советские истребители. Сквозь треск радиопомех – идет разговор по радио.

БОБРОВ

Значит, Файка пишет, что уже на восьмом месяце?!
Ну ты шустрый, Мордвин.

ДЕВЯТАЕВ

Да, съездил в отпуск в старинный город...

БОБРОВ (улыбается)

А что! Мы же эти... сталинские соколы!

Внизу, слева, тучей возникают немецкие бомбардировщики. Их сопровождают «мессершмитты». Русские сваливаются на «юнкерсов», «мессершмитты» на русских, начинается яростный воздушный бой, «собачья схватка», в этой карусели мало что можно разобрать, гоняются друг за другом, наши сбивают «юнкерсов» несмотря на бешеный натиск «мессеров».

Камера из хаоса боя то и дело выхватывает лица Девятаева – круглое, плоское, и его командира - Владимира Боброва. Диалоги по радио.

ДЕВЯТАЕВ

Ты куда, фриц? Ты куда пошустрил?

БОБРОВ

Так – так – тааак его!!!

ДЕВЯТАЕВ

Прикрой, Володя... Ну вот, шустри теперь!

БОБРОВ

В гробу, мать твою!

ДЕВЯТАЕВ

Командир, сверху заходят, двое, справа и слева, включай форсаж!

БОБРОВ

Спасибо, Мордвин... Я ушел, давай еще раз на «Юнкерсов» и пора заканчивать!

ДЕВЯТАЕВ

Понял, командир!

В хвост самолета Девятаева попадает очередь, из него начинает валить дым. Продолжается разговор по рации.

БОБРОВ

Мордвин!

ДЕВЯТАЕВ

Да, командир. Подбил, сволота... Бобер, наведи меня на восток... Хотя нет, поздно.

БОБРОВ

Дотянешь?

ДЕВЯТАЕВ

Да нет, конечно. Уже горю! Ногами чую!

БОБРОВ

Тогда прыгай!!!

ДЕВЯТАЕВ

Да куда прыгать, твою же мать? Внизу немцы!!!

БОБРОВ

Прыгай! Бог не выдаст... Прыгай, Миша!

ДЕВЯТАЕВ

Сейчас. Сейчас! Нет, ну хоть одного-то?! А, командир! Одобряешь?!

Девятаев идет на таран с «Юнкерсом», задевает его крылом, и выпрыгивает из уже объятых пламенем и разваливающегося самолета. «Юнкерс» тоже загорается. Русские и немцы заканчивают бой, разлетаются. Стихает звук моторов, самолеты постепенно превращаются в точки. Начинает темнеть.

ИНТ. БАРАК – НОЧЬ.

В бараке темно. Девятаев лежит на нижних нарах, не спит. Он переворачивается, вздыхает, и слышит шепот.

ВАЛERA

Миша... Миша...

Девятаев привстает, облакачивается, и видит перед собой тщедушного парня - Валеру, сидящего около нар на корточках.

ДЕВЯТАЕВ

Ты чего?

Он говорит так же шепотом.

ВАЛERA

Миш, послушай... Ну зачем вы все это затеяли?! Ведь ясно, войне не сегодня – завтра, конец. Нас освободят, выпустят... Наши выпустят...

Девятаев молчит. Валера продолжает нервозно и горячо шептать.

ВАЛERA

Ты мало намыкался, да? Тебе, что, мало досталось в плену, да?
Так на хрена вам этот тоннель?! Это ж смерть всем - в самом конце!
А свобода - вот она!
Миша, слышь – брось это!
Доживем помаленьку – ведь не самый убойный лагерь-то! Слыхал – есть куда хуже-то! Страшнее!

ДЕВЯТАЕВ

Ты, гнида! Ты кому это говоришь! Попробуй только настучи – порвем! Пшел отсюда!

Валера в ответ виновато улыбается, побитого пса улыбка, отползает в сторону. Девятаев откинулся на подушку из бушлата, и уставился невидящим взглядом вверх.

ГОЛОС ФАИ

Не бойся, Мишка! Шучу.
 А если серьезно, то у нас все хорошо. Все наши уже
 тучу всяких запасов нанесли. А с твоим
 продаттестатом мы вообще едим от пуза. Ох, пузо,
 пузо... Видел бы ты его!
 А Мишутка наш стучится каждую ночь, словно
 спрашивает: «Как там папка, наверное, опять
 фашиста сбил?».
 Я ему отвечаю: «Сбил, сбил, спи давай».

ЭКСТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Девятаев, Вандышев, Цоун, Грачев, Пацула, Кравцов, забившись в угол барака, играют
 самодельными картами в подкидного.

ДЕВЯТАЕВ

До запретки немного осталось, но мы будем рыть
 дальше - под комендатуру...

ПАЦУЛА

Сколько нас уже?

ЦОУН

Где-то пятьдесят...

ПАЦУЛА

Братцы, а ведь это уже сила! Перебьем охрану,
 захватим оружие.
 А потом на машинах в лес, будем партизанить...

ДЕВЯТАЕВ

Братцы, братцы... Проблема у нас, братцы. Ночью ко
 мне приходил Валера, старлей с
 бомбардировщика...
 Короче, уговаривал бросить подкоп - ждать наших.
 Тварь! Как бы он не продал нас со страху...

ЦОУН

Миш, ты что! Он же знает, что тогда ему смерть!

ПАЦУЛА

Брось, Девятаев. Да и не успеет он, работы-то осталось на три дня.

ДЕВЯТАЕВ

Вот что... Надо за один день управиться!

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – УТРО.

Бараки в лагере - далеко друг от друга, и каждый барак опутан колючей проволокой. Кругом сторожевые вышки, на них эсесовцы с пулеметами, внизу часовые с собаками. Заключенные цепочкой выходят из барака.

ЭКСТ. БОЛОТО – ДЕНЬ.

Болото. Туман. Заключенные стоя по пояс в трясине, роют канавы для стока воды. Среди них – Девятаев и его товарищи по побегу. Два конвоира стоят над ними, болтают.

КОНВОИР № 1

Слышал вчера цюрихское радио, Курт?

КОНВОИР № 2

Да лучше бы его не слушать. Наступление по всему фронту. Если дела так и дальше пойдут, русские будут здесь через пару месяцев.

КОНВОИР № 1

Думаешь, через пару!?

КОНВОИР № 2

Ты прав. Наверное, еще раньше.

Цоун замер на месте, облокотившись на лопату. Он уже не в силах пошевелиться.

КОНВОИР № 2

Арбайт! Шнель!

Курт с остервенением начинает избивать его кнутом.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Девятаев сидит у печки рядом с товарищами, греется. Цоун рядом стонет, матерится. Девятаев устало закрывает глаза.

ИНТ. ЗЕМЛЯНКА – ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

ИЗ ЗТМ.

Свет сначала серый и темный, но постепенно становится яснее.

Перед Девятаевым стоит мужчина в черном плаще-дождевике.

Оба они находятся в землянке, низкий потолок из толстых бревен, небольшое окошко. Девятаев пошевелился, застонал от боли. К раненой ноге прикручена доска.

ТИТРЫ: ИЮЛЬ 1944. ЗАПАДНАЯ УКРАИНА.

В открытое окно на него испуганно смотрят две девушки в расшитых сорочках.

ГАНКА

Дывысь, Ядвига, це той самый летчик...

ЯДВИГА

Бедный хлопец...

Мужчина быстро взглянул на осекшихся девушек, потом – снова уставился на Девятаева - с пристальным интересом.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Твою мать...

Все-таки я попал к ним. Тогда, в Конотопе, Бог спас,
а сейчас все-таки попал...

ИНТ. КАБИНЕТ КОМАНДИРА ПОЛКА – ДЕНЬ.

За столом сидит командир полка – перед ним - «свеженький», очень молодой на вид Девятаев – вытянулся по струнке.

ТИТРЫ: АВГУСТ 1941. КОНОТОП.

КОМАНДИР

Это из твоего звена летчик завалил новый Як?

ДЕВЯТАЕВ

- Так точно, мой. Громов его фамилия.

КОМАНДИР

Ну а раз твой, тебе за него и ответ держать.

Короче, этот Громов передислоцируется вместе с полком на твоём самолете, а потом пойдет в штрафбат.

А ты - спасай Як. И управься до вечера! А то угодишь к фрицам.

Ладно, лейтенант. Придется, наверное, сдаться немцу.

Овсиенко встает, кидает на землю инструмент, делает несколько шагов, словно собираясь уходить.

Девятаев с удивлением наблюдает за ним. Потом подходит к старшине и быстро бьет его в скулу.

ДЕВЯТАЕВ

Блядь!!!

Старшина падает. Потом поднимается, утирая с лица кровь.

ОВСИЕНКО

Понятно. Ну, это же другое дело. Давай быстрее ремонтироваться.

Девятаев, сверкает глазами но ничего не говорит, кидает ему в руки свой ключ. Они разбирают, потом - собирают узел. Но винт не шелохнется.

Ребята внимательно наблюдают за Девятаевым.

Михаил весь в поту, вылезает, видит, что несколько пацанов шарят в траве. Один из них подбегает к Девятаеву.

ДЕВЯТАЕВ

Что там, пацаны?

ПАЦАН

Да вот гляди, дядь, чего нашли...

Пацан протягивает Девятаеву небольшое колечко .

ДЕВЯТАЕВ

Едрена мать! Так вот в чем дело-то... Ну спас, брат, просто спас...

Девятаев восхищенно смотрит на кольцо, треплет пацана по затылку...

Мотор заводится, пропеллер заработал в нормальном режиме. Самолет взлетает.

ИНТ. В САМОЛЕТЕ – ВЕЧЕР.

Старшина, скорчившись сидит в кабине Яка, закрыв глаза – его мутит.

Внизу, на уменьшающейся с каждой секундой взлетной полосе, появляются немецкие мотоциклисты. Слышны выстрелы.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – НОЧЬ.

Самолет останавливается на полосе. Девятаев смотрит, как старшина кое - как вылезает из кабины. Неуверенно стоит перед Девятаевым, в глазах тревога : что дальше?

ДЕВЯТАЕВ

Как фамилия?

ОВСИЕНКО

Старшина Овсиенко.

ДЕВЯТАЕВ

Так. Старшина Овсиенко, кругом.

Тот поворачивается.

ДЕВЯТАЕВ

Смирно.

Овсиенко застывает. Девятаев подходит к нему, и изо всей силы дает старшине пинка. Тот летит вперед, едва не носом в землю.

ДЕВЯТАЕВ

Шагом марш отсюда!

И не попадайся мне больше, старшина!

Ради Бога...

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Девятаев почти дремлет. К печке подбегает запыхавшийся Иван Пацула, горячо шепчет.

ПАЦУЛА

Миш! Кажется, большой шмон начинается! Барак оцепляют...

Послышался громкий истошный шум, крики, лай лагерных овчарок. Распахивается дверь барака, вбегают солдаты с овчарками, входят несколько офицеров , и, последним, степенно входит комендант лагеря.

ОФИЦЕР

Построиться!

Заключенные выстраиваются по линейке вдоль прохода.

Эсесовцы переворачивают в бараке буквально все: нары, матрасы, перетряхивают одежду заключенных. Пристально изучают пол, тыкают щупами во всех уголках барака.

ПАЦУЛА

Точно, подкоп ищут! Приехали...

ДЕВЯТАЕВ

Чертов старлей!!! Все-таки успел настучать!

Под одними из трехуровневых нар пол вдруг проваливается. Подкоп обнаружен. Комендант медленно подходит к отверстию и заглядывает туда. Потом довольно вышагивает перед строем заключенных.

КОМЕНДАНТ

Чьи это нары?

Староста барака быстро выбегает перед ним и докладывает.

СТАРОСТА

Заключенных под номером 1402, 1409 и 1443-й.

Девятаев, Пацула, Цоун выходят вперед из строя. Комендант подходит к ним и внимательно рассматривает их лица, улыбаясь. Его взгляд задерживается на Девятаеве, который не опускает глаз.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ВЕЧЕР.

Девятаева, Пацулу и Цоуна ведут по двору. Овчарка беснуется вокруг ног Михаила, рвет щиколотки. Он старается не упасть. Собаки рычат и щерят пасти. Сторожевая вышка. Часовой.

ЭКСТ. АВИАБАЗА – РАССВЕТ.

Сторожевая вышка. Часовой. И опять овчарки. Но эти, у ног охраны, спокойны. Охраняют авиабазу.

ТИТРЫ: ДЕКАБРЬ 1942. КОТЕЛЬНИКОВО. СТАЛИНГРАД.

Мимо них, поживаясь, быстрым шагом проходят Гельмут и его ведущий, оберфельдфебель Штурм, на ходу застегивая шлемы и летные куртки.

ШТУРМ

Сколько их там? Четыре?

ЭКСТ. В НЕБЕ – УТРО.

Среди серого неба летят два «Ме-109».
Слышны голоса по рации.

ГЕЛЬМУТ

Да, вижу их - четыре русских истребителя. Слева и ниже.
Видите их? Они ближе к «Хейнкелям», вот они, видите, «шесть-второй»?

ШТУРМ

Сократите дистанцию, мы атакуем.

Штурм бросил «Мессер» вниз, за ним Гельмут. Показались четыре самолета со звездами. Двое русских немедленно сделали переворот через крыло и тоже спикировали, когда Штурм открыл огонь. Двое других начали разворачиваться в сторону немцев.

Гельмут, увидев вблизи русских, потянул ручку управления и нажал на гашетку.

ГЕЛЬМУТ

Берегись!

Пулемет бьет по двум «Хейнкелям», внезапно появившимся в секторе обзора. Тем временем русский выполнил еще один вираж и теперь был позади Гельмута.

ШТУРМ

Гельмут, набирайте высоту. Больше в бой не ввязывайтесь! Это приказ.

Гельмут набирает высоту и летает по кругу.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Гельмут и Штурм на аэродроме - после боя. Слышна бесконечная артиллерийская канонада.

ШТУРМ

Гельмут, давайте покурим. Вальтер, вы свободны.

Механик уходит. Гельмут и Штурм сидят на бочках, курят.

ШТУРМ

Сколько вам лет, Гельмут?

ГЕЛЬМУТ

Двадцать пять.

ШТУРМ

Сколько?! О, господи... Хотя сейчас там, под Сталинградом, восемнадцатилетние гибнут. Гибнут и мерзнут. Но мы летчики, у нас другая судьба, с нами Бог по другому решил поступить. Сегодня был достойный противник. Не обижайтесь Гельмут, но для первого боя, даже слишком достойный. Думаю, пройдет не больше двух - трех месяцев, и вы уже не будете летать в стороне... Но один совет – не стоит недооценивать русских. Я вам сейчас скажу крамолу: противника надо уважать. Тогда будешь сильнее его... Мы летчики, Гельмут, летчики... А остальное нас не касается.

ИНТ. КАБИНЕТ КОМЕНДАНТА – ВЕЧЕР.

Кабинет коменданта. Стол уставлен тарелками с разнообразной едой, в середине – бутылка шнапса. Комендант сносно говорит по-русски.

ВИЛЛИ

Девятаев... Хорошо. А я Вилли. Ну что же...

Вилли наливает по рюмке, протягивает одну Девятаеву. Они выпивают.

ВИЛЛИ

Ну, теперь ...жри!

ДЕВЯТАЕВ

Поем...

Михаил ест, а комендант достает листовку РОА – власовской армии.

ВИЛЛИ

Хорошо. Теперь поговорим. Почитай, сейчас для тебя это лучший выход. Надо лишь подписаться под текстом...

Михаил читает, потом кивает на бутылку – мол, без рюмки решения не принять. Они выпивают.

ДЕВЯТАЕВ

Не пойдет. Это не для меня.

ВИЛЛИ

Ну, тогда пуля. Подкоп ведь твой работа, ты есть организатор.

ДЕВЯТАЕВ

Это кто же вам такое сказал?!

ВИЛЛИ

(со смехом)

Много знаешь, быстро старый будешь!

ДЕВЯТАЕВ

Да ни боже мой. Я этот подкоп первый раз сегодня увидел, с вашей помощью.

Девятаев тянется к бутылке, комендант резко бьет его по руке.

ВИЛЛИ

Тогда кто организатор?

ДЕВЯТАЕВ

Не знаю. А и знал бы, герр комендант, то все равно бы не сказал.

ВИЛЛИ

- Смелый. Мы, немцы, любим смелых. Ну, давай, вот две рюмки – две дороги. По одной твоя судьба сейчас будет покатиться. Или ты их выпиваешь, или я. Если я, то, как у вас там, за покой твоей души...

ДЕВЯТАЕВ

А если я?

ВИЛЛИ

Тогда расскажешь все об организации побега.

ДЕВЯТАЕВ

Герр комендант. Ну как можно рассказать то, чего не знаешь. Если только наврать...

Комендант – побагровел, вскочил.

ВИЛЛИ

Ганс!

Долговязый охранник вытянулся у двери.

ВИЛЛИ

Он «ничего не знает». Уведи его с глаз!!! Пусть подумает!!!

ИНТ. ПОДСОБКА – НОЧЬ.

Ганс заводит Девятаева в какой-то закуток и начинает методично избивать его кулаками. Девятаев падает, теряет сознание. Ганс садится на табуретку, закуривает. Не спеша.

Девятаев очнулся, Ганс выволакивает его из подсобки.

ИНТ. КАРЦЕР – НОЧЬ.

В карцере - очень жарко – посреди крохотной бетонной комнаты вовсю топится уже малиновая «буржуйка».

Сначала Девятаев стоит около нее, потом сидит.

Через несколько часов теряет сознание от жары и жажды.

ВИДЕНИЕ ДЕВЯТАЕВА.

Волга... Огромная река... Девятаев бросается в нее, плывет, хочет глотнуть воды, но никак не получается, губами не достает влагу, вместо нее – горячий воздух. Звучит голос: «Подпиши листовку! Кто организатор подкопа? Не скажешь – расстреляю».

ИНТ. КАРЦЕР – УТРО.

Гремит дверь. Входит Ганс и выволакивает Девятаева наружу.

ИНТ. КАБИНЕТ КОМЕНДАНТА – УТРО.

Свежий воздух, на окнах цветы, на стенах картины. На столе стоит графин с водой. Девятаев не отрывает от него взгляда. Комендант медленно наливает воду в стакан, кивком предлагает сесть. Девятаев, глядя на воду, садится.

ВИЛЛИ

Хочешь пить?

Девятаев молчит, глядит на стакан.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Господи, как же печет все... Кишки перекрутились.

Да что они теперь могут. Так и так им капут.

Расскажу немного... И попью... Господи, сейчас он нальет мне этот граненый стакан... Прямо сейчас...

ВИЛЛИ

Расскажи о подкопе. А заодно и о себе, о полке, о дивизии Покрышкина. И будешь пить сколько хочешь...

Михаил не отрывает взгляд от стакана, от графина. И почти теряет сознание.

ВИДЕНИЕ ДЕВЯТАЕВА.

Девятаев летит на «Хейнкеле» над лагерем, по плацу бежит комендант, Девятаев ловит бегущего в крест прицела, и остервенело жмет на гашетку...

Он поднимает на Вилли мутные от мучения глаза.

ДЕВЯТАЕВ

Что, очко – то, жим – жим...

ВИЛЛИ

Не понял... Что есть очко? Что есть жим – жим?

ДЕВЯТАЕВ

Скоро поймешь. Я говорю, недолго нам осталось на этом свете гостевать, а, комендант?

Вилли несколько секунд смотрит на него. Наконец, до него дошло.

ВИЛЛИ

Это не есть смелость, Девятаев. Это есть хамство.
Пьешь тут, жрешь...

Девятаев вдруг улыбается дикой улыбкой. Комендант не выдерживает, сбивает Девятаева со стула, начинает пинать сапогами.

ВИЛЛИ

Русская свинья!!! Гаанс!

Вбегает Ганс с еще одним солдатом - Вальдманом, хватают Девятаева, увлакивают из кабинета.

ИНТ. КАРЦЕР – ВЕЧЕР.

Девятаева будит седой грузный эсесовец, в одной руке у него кусок хлеба, в другой – кружка с водой. Он молча смотрит на него, потом ставит кружку на пол, рядом кладет хлеб.

ВЕНГР

Кушать товарищ... Мой камраду помогать... Я венгр.
Будапешт, слышал? Мобилизовали нацисты, вот и приходится... А, да что говорить... Одно хорошо – от тебя они, кажется, отстали...

ИНТ. КАРЦЕР – УТРО.

Михаил, заросший щетиной, совсем исхудавший, уже не похожий на того, которого мы видели в начале, сидит около печки, смотрит на огонь полубезумным взглядом. Лязгает щеколда двери. Входит Ганс.

ГАНС

Встать!

Девятаев не реагирует. Тот бьет его прикладом винтовки по спине. Михаил с трудом поднимается, взгляд становится более или менее осмысленным.

ИНТ. ОБЩАЯ КАМЕРА – ДЕНЬ.

Иван Пацула с лицом в синяках сидит рядом с Девятаевым.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Венгр этот... Привиделся что ли...

ПАЦУЛА

Слушай, Миш, я больше так не могу. Надо кончать с этим...

ДЕВЯТАЕВ

А? Что ты сказал?

ПАЦУЛА

Да лучше смерть, чем очередной допрос.

ДЕВЯТАЕВ

Ванька! Ты охренел с горя!? Ну не удалось сбежать, так ведь наши уже, вот они. Ты че, Вань! Надо сдюжить!

В камеру вталкивают очередного заключенного. Это Цоун. Он падает у ног товарищей, глаза его закрыты.

ЦОУН

(в полубреду)

Я знаю, что нужно сделать. Я знаю, как вести себя на допросах. Я перегрызу ему горло. Я выколю ему глаза. Мама, я жив. Я скоро вернусь...

ДЕВЯТАЕВ

Аркаша... Вот гады, до чего довели...

Девятаев гладит его по голове. Цоун приходит в себя. Узнает их. Но у него даже обрадоваться нет сил.

ЦОУН

Все ребята. Больше я не выдержу. На чем бы
удавиться...

Девятаев подавленно молчит.
Потом взгляд его становится жестким.

ДЕВЯТАЕВ

Нет, вы как хотите, а я... Посмотрим еще, чем все
кончится!
Про меня еще Покрышкин говорил: «Мордвин –
упрямый бес!»

В это момент открывается дверь камеры, заходит Вальдман.

ВАЛЬДМАН

Встать!

ИНТ. БАРАК – ДЕНЬ.

ГАНС

Встать!

Ганс орет на Валеру, лежащего на нарах.
Валера испуганно вскакивает.

ЭКСТ. ДВОР БАРАКА – ДЕНЬ.

Ганс выводит Валеру из барака, и уже на улице добродушно треплет по плечу. Они
закуривают, идут по лагерю. То, что было в бараке – спектакль для остальных
заключенных.

ИНТ. КАБИНЕТ КОМЕНДАНТА – ДЕНЬ.

Стол уставлен яствами. Валера выпивает с Вилли, и быстро и жадно, помногу,
закусывает.

ВАЛЕРА

Да как же, герр комендант. Долго они рыли, всех
замутили.
Ну, кроме меня, конечно.
Я что, дурак?!
Тут и ждать - то осталось всего ничего, фронт – то
вон он уже, а эти всех под монастырь...

Валера замолкает и ...каменеет.
А лицо коменданта багровеет.

ВИЛЛИ
(про себя)
Они издеваются надо мной?!

Несколько секунд он смотрит на Валеру тяжелым, свинцовым, взглядом. Потом, схватившись обеими руками за столешник, кричит.

ВИЛЛИ
Гааанс!

Вбегает долговязый Ганс.

ВИЛЛИ
(уже спокойно)
В крематорий.

ГАНС
Слушаю, герр оберст.

ВИЛЛИ
(истощно)
В крематорий!!! В печь, в огонь, живьем, живого,
немедленно! Слышишь, Ганс, немедленно!!!

ГАНС
Слушаю, герр оберст.

Валера недоуменно таращится на Вилли, на Ганса. Цепляется за стул.

Ганс вытаскивает Валеру из кабинета.

Комендант сидит, смотрит пустым взглядом в стенку. Потом наливает полный стакан шнапса, и залпом выпивает. Откидывается в кресле.

ИНТ. КРЕМАТОРИЙ – ДЕНЬ.

Вальдман и Ганс держат извивающегося Валеру.

ГАНС
Раздеваться!

Вальдман стаскивает с Валеры робу, выволакивает за дверь, где видны отблески пламени. Валера плачет и скулит. Истощный вой.

Они кладут его на крематорскую железную каталку и подталкивают к крышке печи.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ВЕЧЕР.

Ганс и Вальдман не спеша идут по лагерю, курят.

ВАЛЬДМАН

Что это наш оберст так вспылит?

ГАНС

(пожимает плечами)

Кто его знает...

ВАЛЬДМАН

Так надо было и тех трех туда же... А то возись с ними...

ГАНС

Что ты городишь, Вальдман!? Они совершили тяжкое преступление. Их будут судить, по закону. Порядок есть порядок... А вот нам, мне кажется, по рюмке шнапса надо выпить. Как он визжал! Впрочем, заслужили.

ИНТ. ОБЩАЯ КАМЕРА – ДЕНЬ.

ВАЛЬДМАН

(пьяным голосом)

Раздеваться!

Девятаев, Цоун и Пацула раздеваются перед солдатами.

ГАНС

(с красным лицом, икая)

Сапоги, сапоги!

ДЕВЯТАЕВ

С чего это?!

Подходит комендант. Солдаты вытягиваются перед ним, изо всех сил стараясь не дышать. Потом видят, что комендант - навеселе, расслабленно вздыхают, продолжают свое дело.

ВИЛЛИ

(ехидно)

А зачем они тебе на том свете? Колодки получишь!

ДЕВЯТАЕВ

(ни с того, ни с сего)

Хлеба бы ребятам, герр комендант... Меня – то вы накормили...

ВИЛЛИ

(орет)

Хлеба! Накормил!

Вилли начинает хлестать Михаила перчатками, пытается пинать, но не удерживается на ногах и едва не падает. Вальдман его поддерживает.

ВИЛЛИ

Ну? Кому еще хлеб нужен?! С маслом, с ветчиной, с колбасой?

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ДЕНЬ.

Девятаева, Аркадия и Ивана, босых, одетых в лохмотья проводят мимо выстроенных военнопленных к проходной. Вандышев кричит.

ВАНДЫШЕВ

Прощайте, ребята. Держитесь! Мы вас не забудем!

У ворот немцы в черной форме гестапо дают обуться в деревянные колодки, заковывают их в кандалы – тяжелые, с шипами, и выводят из лагеря.

ЭКСТ. ЛЕСНАЯ ДОРОГА – ВЕЧЕР.

Гестаповцы ведут пленных по ровной хорошо протоптанной дороге. Вокруг – деревья.

Колодки нещадно трут, шипы врезаются в запястья. Идут, морщась от боли.

Девятаев поднимает глаза, стараясь не потерять сознание.

ЭКСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

В чистом небе – советские самолеты.

БОБРОВ

(командир)

Мордвин, выходим из боя! Домой идем в свободном поиске, парами.

ТИТРЫ: МАРТ 1943. УКРАИНА.

И вдруг сверху, слева от них, показался «Ме-109». Он - подбит, за ним тянется тонкий черный шлейф.

КОМАНДИР

Атакуем!

Он первым заходит на немца, начинает «трепать» его, но немецкий летчик - опытный, «Мессер» все время ускользает от огня. Они снизились до 300 метров, затем Бобров уходит в сторону и позади немца оказывается Девятаев.

Противник за секунду до начала стрельбы резко уходит в сторону.

При этом он каждый раз пытается заставить Девятаева проскочить мимо, скользя на крыло и уменьшая обороты двигателя. Так продолжается еще какое-то время.

ИНТ. САМОЛЕТ ДЕВЯТАЕВА – ДЕНЬ.

Мигает лампочка топлива.

ДЕВЯТАЕВ

Твою мать! Мы ж еще над немцами!

Девятаев выполняет резкий разворот, и, дав достаточное упреждение, снова попадает в немца.

Смотрит, как тот тут же идет вниз, но, вдруг, дав полные обороты, берет курс на свой аэродром.

ДЕВЯТАЕВ

Ну нет, так мы не договаривались...

ЭКСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

Девятаев пикирует на немца.

Немец идет на посадку, садится на брюхо, бороздит какое-то поле. Наполовину скрывшись под чудом уцелевшим одиноким стогом сена, останавливается.

ИНТ. САМОЛЕТ ДЕВЯТАЕВА – ДЕНЬ.

Мигает лампочка топлива. Девятаев смотрит на приборы. Потом улыбается.

ДЕВЯТАЕВ

Черт с тобой. Живи. Все же умелый попался ганс.

Может, еще встретимся когда -нибудь...

ЭКСТ. ПОЛЕ – ВЕЧЕР.

В кабине «Ме – 109» живой и невредимый, закрыв глаза, сидит потный Гельмут. Улыбается.

ГЕЛЬМУТ

(с удовлетворением)

Вундебар! (нем. - Выше всяческих похвал).

Во всем этом даже чудится некая эротика.

Самолет дымится, Гельмут выпрыгивает из него.
К нему бегут люди в серой полевой форме.

ЭКСТ. ЛЕСНАЯ ДОРОГА – ВЕЧЕР.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Да, это был бой... Ощущение, как будто ...Как будто...
Ну, как будто с девочкой в постели оказался.
Господи, о чем я вспоминаю!? Что за чушь в голову
лезет...
Пожалел тогда немца. А теперь эти сволочи хрен
меня пожалеют...

Деревья редеют. Заключенных подводят к небольшой станции у железнодорожных
путей.
К станции подходит поезд.

ИНТ. КУПЕ – ВЕЧЕР.

Девятаев, Аркадий и Иван – сидят в купе на одной стороне, напротив - гестаповцы.
Девятаев сидит у окна. Поезд трогается.
Конвоиры, как по команде, один за другим, начинают вынимать из походных сумок
холодные завтраки: колбасу, хлеб, яйца.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Схвачу сейчас кусок, успею съесть, а там будь что
будет!

Иван Пацула расширенными глазами смотрит на еду, сглатывает слюну. Аркадий
Цоун смотрит на них и показывает взглядом на автомат.

Девятаев отворачивается с усилием и смотрит в окно. Поезд замедляет ход перед
встречным, притормаживает.
Девятаев видит в окне напротив, прямо перед ним - немецкого офицера с петлицами
люфтваффе, встречается с ним взглядом.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Ишь ты – смотрит...
Какой странный взгляд у немца...
Ну да – летчик!
Может где встречались... Знакомый какой-то...

А что, может и встречались...
Эх, Миша, совсем у тебя мозги набекрень. Будут тут
набекрень, с этими ублюдками.

Поезд трогается.
Девятаев смотрит на жующих гестаповцев.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Эти другие совсем. Да оно и понятно - гестаповцы!

Девятаев откидывается, насколько это возможно, закрывает глаза.
Мерно стучат колеса.

ИНТ. ЗЕМЛЯНКА – ПЕРЕД РАССВЕТОМ.ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Офицер снимает дождевик, под ним гестаповская форма. Прилизанные редкие
рыжие волосы, бледное лицо.

ТИТРЫ: ИЮЛЬ 1944. ЗАПАДНАЯ УКРАИНА.

Офицер садится рядом с Михаилом, и, открывает офицерскую книжку, говорит с
небольшим акцентом.

ОФИЦЕР
(любезно)

Михаил Девятаев... Старший лейтенант... К
Покрышкину обратно собираетесь?

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Ни слова правды, им дай палец – руку откусят, душу
вымотают. Ни слова правды...

ДЕВЯТАЕВ

Нет, я из другой дивизии.

Офицер встает, ходит по землянке. Потом останавливается и орет.

ОФИЦЕР

Зачем ты нам врешь? Ты хоть понимаешь, что сейчас
твоя жизнь решается? Ты же у Покрышкина летаешь,
это его звено было...

ДЕВЯТАЕВ

Ну, вам виднее...

ОФИЦЕР

Не понимаешь. Ну ничего, поймешь.

В землянку заходят два солдата. Офицер надевает плащ, с досадой говорит.

ОФИЦЕР

Дурак ты, Девятаев. Упустил свой шанс.

Солдаты выводят Девятаева из землянки.

ЭКСТ. ЛАГЕРЬ В ЛЕСУ – РАССВЕТ.

Каждый шаг дается с трудом, Девятаев опирается на доску, которая примотана к ноге, вдобавок ко всему у него обожжены руки, они в волдырях.

Вокруг: землянки, палатки, столики, повозки, автомобили, от кухни идет дымок.

Михаил принюхивается.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Мясо жарят...

Они подходят к подводе, запряженной двумя битюгами. Из столовой выходит высокий сутулый немолодой солдат. Он помогает Девятаеву залезть в телегу – у нее высокие борта – сам садится на перекладину, кладет в ноги автомат и вещмешок, и они трогают.

Михаил лежит на спине, макушкой к ездovому, глядит в небо. Они приближаются к лесу, вполне мирному лесу – щебечут птицы, ветерок колышет ветки.

На опушке появляется одна из девушек, Ядвига, полногрудая высокая блондинка. У нее очень красивый, классический нос. Она догоняет телегу, сует Мише маленький кувшин. Девятаев пьет, потом высыпает ягоды на ладонь, а кувшин бросает девушке. Все это происходит очень быстро, немец ничего не замечает – он ест пирожки из пакета. Девушка отстает, а телега уже на узкой лесной дороге.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Сколько же он меня допрашивал, часа три, наверное.

И пожрать ничего не дал, пес рыжий... Рыжий, пыжий, конопатый, убил бабушку лопатой...

А девчонка – то какая фигуристая! Ядвига... Ух...

Тьфу ты, о чем ты Миша думаешь!

Или ты о них даже в гробу не перестанешь думать?

А этот балбес унылый жрет чего-то... Сейчас бы котлеток бараньих, таких, какие тетя Тоня в нашей столовке жарит...

Солдат аккуратно вытирает руки носовым платком, достает из кармана губную гармошку, начинает наигрывать.

Девятаев смотрит на сутулую спину солдата, и вдруг начинает понемногу, опираясь локтями на борта, подвигаться к нему.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Шандарахну сейчас, а потом на этих лошадях к линии фронта... Только чем его шандарахнуть?

В этот момент Девятаев сильно напряг обожженные руки, и застонал. Солдат, до этого ни разу не обернувшийся, на этот раз поворачивается, улыбается, что-то говорит по-немецки, подмигивает. Видно, что он ничуть не боится раненого пленного. Девятаев бессильно откидывается на спину.

Сзади раздаются гудки клаксона, их нагоняет «Оппель». Они останавливаются, из машины выходят два солдата, жестами показывают Михаилу, чтобы тот перебирался в автомобиль.

ДЕВЯТАЕВ

Не могу я!

И тоже жестами растолковывает, что одному ему не выбраться из телеги. Немцы помогают Михаилу, и вот они уже мчат по лесной дороге.

ИНТ. КУПЕ – ВЕЧЕР.

Гельмут сидит в купе, закрыв глаза.

ФРАУ

Из отпуска, гауптман?

Пожилая фрау глядит на него с улыбкой.

ГЕЛЬМУТ

Из отпуска.

ФРАУ

Вы летчик?

ГЕЛЬМУТ

Летчик.

ФРАУ

И как эти варвары воюют в воздухе? Когда, наконец, мы возьмем инициативу в свои руки, молодой человек?

Гельмут смотрит на старуху. Ноздри расширяются.

ГЕЛЬМУТ
(с акцентом по-русски)

Блять!

ФРАУ

Что?

ГЕЛЬМУТ
Я говорю – никогда!

Глаза у старухи выпучились, но она промолчала. Гельмут встает, выходит в коридор. Смотрит на мелькающие пейзажи.

ИНТ. ГОСТИНАЯ – НОЧЬ.

Гельмут с отцом, седым стариком, сидят в гостиной их квартиры.

ТИТРЫ: ИЮЛЬ 1944. БЕРЛИН.

Чуть пригубливает коньяк отец, Гельмут пьет по полной.

ОТЕЦ
Ты много пьешь, сынок.

ГЕЛЬМУТ
Ну, это как сказать.
Ты знаешь почему на самом деле мне дали отпуск?
Что б я не слетел с катушек.
У нас такое со многими происходит, отец...
Лучше уж напиться, чем свихнуться...

ОТЕЦ
Понимаю. Это я понимаю. А вот чего не могу понять, так это как мы, немцы, такие себе умные – преумные, до сих пор не поняли, что обожествлять систему, значит рыть себе могилу... Причем, любую систему. Ведь у русских, если разобраться, то же самое. И победа будет пиррова... Это я тебе как историк говорю.

ГЕЛЬМУТ

Раньше надо было думать...

ОТЕЦ

Думал и раньше. А что толку, когда вокруг тебя сплошное ликование и гестапо. Недавно ведь поутихли, и то не все...

ГЕЛЬМУТ

Эх, отец. Это так ты снимаешь мой стресс?

ОТЕЦ

Да не хочу я, чтобы мой сын погиб из-за кошмарных бредней этого проходимца...

ГЕЛЬМУТ

Ну, теперь поздно об этом говорить. Да и с чего ты взял, что я обязательно погибну?! Я летаю как бог. А они, в лучшем случае, как простые смертные. Но драться придется до конца, тут уж ничего не поделаешь. И знаешь – а мне нравится это дело...

ОТЕЦ

Но ведь ясно, что проиграли уже... Спасти может только чудо. Хотя, причем здесь спасти. Так и так... конец. Вот я и спрашиваю: какой смысл в этой драке теперь?

ГЕЛЬМУТ

Меня спрашиваешь? Это зря. Ты же знаешь, я и раньше никакого смысла в войне не искал. А драться нравится, скрывать не буду.

ОТЕЦ

Молодость. Адреналин.

ГЕЛЬМУТ

И азарт. Кто – кого! Понимаешь?

ОТЕЦ

Понимаю. Но время такое, что скоро тебе этот смысл искать все равно придется.

ГЕЛЬМУТ

Ты прав. Как всегда прав, отец. Но драться буду до конца!

ОТЕЦ

Слушай, сын, ты представляешь, что будет с нами, когда сюда, в Берлин, в этот дом, в эту квартиру, войдут русские?! А если еще тебя не будет...

ГЕЛЬМУТ

Отец!

ОТЕЦ

Гельмут, нам не нужен бог в небе. Нам нужен ты на земле. Переубедить тебя невозможно, да и ни к чему, но попросить-то я могу...

ГЕЛЬМУТ

Отец, ну перестань!

ОТЕЦ

Так вот я прошу: возвращайся. Обязательно возвращайся.

ИНТ. КОРИДОР ПОЕЗДА – ВЕЧЕР.

Мимо Гельмута проходит женщина в мундире.

ФРОЙЛЯЙН

Позвольте пройти.

ГЕЛЬМУТ

Что? Да, извините фройляйн, проходите.

Он пропустил ее и опять застывает у окна.

ИНТ. СПАЛЬНЯ – НОЧЬ.

МАРТА

Гельмут... Гельмут... Прости меня...

ГЕЛЬМУТ

За что, Марта?

МАРТА

Гельмут... Я жалею о том, что мы натворили в твой прошлый отпуск.

Гельмут отстраняется от Марты, своей жены.

ГЕЛЬМУТ

Что ты говоришь, Марта?!

МАРТА

Ну сам подумай... Только такие сумасшедшие, как мы, могли сделать ребенка в конце такой страшной войны. Через три месяца я, даст Бог, рожу. А через сколько здесь будут русские?

ГЕЛЬМУТ

Марта...

МАРТА

Молчи, молчи, Гельмут... Все равно уже ничего не изменишь.

ГЕЛЬМУТ

Господи, да откуда у вас такие похоронные настроения? Отец, теперь ты туда же...

МАРТА

Откуда?! Да это ты откуда приехал, с фронта, или с другой планеты? Ладно. Давай лучше подумаем, как мы назовем нашего спортсмена.

ГЕЛЬМУТ

(улыбаясь)

Точно спортсмена?

МАРТА

(смеется)

Чувствую. Очень шустрый – к Олимпиаде готовится наверное!

ГЕЛЬМУТ

Хейнц.

МАРТА

Хейнц?

ГЕЛЬМУТ

Да. Если будет мальчик, назовем его – Хейнц.

ИНТ. КОРИДОР ПОЕЗДА – ВЕЧЕР.

Поезд дернулся, замедлил ход. Слышится ход встречного состава. Они поравнялись, теперь перед Гельмутом медленно проплывают вагоны.

Внезапно он видит в окне проходящего вагона узника в полосатой робе. Тот смотрит ему в глаза. Лицо Гельмута сначала дернулось, а потом застыло, омертвело.

ГЕЛЬМУТ
(про себя)

Где – то я видел этого человека...
Тьфу ты, чертовщина... Как током ударило.
Ладно, Гельмут, спокойно!
Это все твои нервы. Нервишки...
Господи, что же мне так тошно!

Гельмут возвращается в купе.

Старушка сидит с поджатыми губами.

Гельмут, один в один с Девятаевым, садится, откидывается, закрывает глаза.
Звучит мерный стук колес.

ЭКСТ. ПЛАТФОРМА – УТРО.

Поезд останавливается на платформе. Узников выводят из вагона и ведут сквозь толпу на перроне. Сотни глаз смотрят на советских военнопленных. В них – страх, брезгливость, ненависть, надменность... К Девятаеву подбегает мальчишка-гитлерюгенд лет четырнадцати в форменной рубашке с короткими рукавами, в пилотке. Он бьет Михаила кулаком в лицо.

МАЛЬЧИК
Совиетишь комиссарен!

Подбегают еще двое подростков и начинают пинать узников. Гестаповцы посмеиваются, потом отгоняют мальчишек.

ИНТ. КАМЕРА – ДЕНЬ.

Пленных в колодках и цепях выводят из камеры. Длинный коридор.

ТИТРЫ: СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. МАОБИТ. БЕРЛИН.

Девятаева, Цоуна и Пацулу заводят в небольшой зал заседаний.
За столом сидят трое эсесовцев.

ОФИЦЕР
Смирно!

Заключенные вытягиваются, старший из офицеров медленно читает приговор. Рядом - переводчик.

ПЕРЕВОДЧИК

...К смертной казни через расстрел. Приговор
привести в исполнение в трудовом лагере
Заксенхаузен через три месяца после вынесения.

Под монотонный голос переводчика Девятаев, Аркадий и Иван на пригородном поезде подъезжают к шлагбауму. Впереди – указательная стрелка с буквами «СС», а ниже человеческий череп с двумя перекрещенными костями.
Через несколько метров – красные трехметровые стены, крепостные башни, колючая проволока.

ИНТ. ГОРНИЦА – УТРО.

Девочка лет 12-и трясет спящего на топчане человека.

ОКСАНА

Дядя Гельмут... Дядя Гельмут...
Дядя Гельмут, пора вставать. Вы же просили
разбудить в шесть...
Да вставай же ты, чертяка!!!

ТИТРЫ: ИЮЛЬ 1943. АНАПА.

ГЕЛЬМУТ

Ох, Оксана. Данке, данке. Зер гут... Станешь
взрослой, никогда не пей шнапс. Лучше уж пиво...

Гельмут трясет головой.

ЭКСТ. ДВОР – УТРО.

Гельмут обливается холодной водой, приходит в себя после вчерашнего.

ЭКСТ. У ДОМА КУРТА – УТРО.

Гельмут, довольный и бодрый, с Железным крестом 1 класса, подходит к домику на берегу моря, стучит в окошко.

ГЕЛЬМУТ

Курт, вставай, Курт. Сегодня должен прилететь
Хейнц. Курт, я долго буду стучать...

КУРТ

Гельмут, не надо стучать. Весь город перебудишь. Я
уж давно встал. Иди сюда.

Его однополчанин, Курт, весь опухший, сидит с другой стороны дома, привалившись спиной к забору, на лавочке, курит.

КУРТ

Что ж делать? Боже, как надоело это шампанское, хорошо, что оно закончилось. Сплошная изжога. Ну ладно, Хейнц сегодня выручит нас...

ГЕЛЬМУТ

Да, Хейнц выручит. А то, взлетаешь как молодой бог, и вдруг глаза почти перестают видеть. Или, того хуже, закрутит живот. Куриная слепота и понос... А все это молодое шампанское из подвала нашего хозяина... Ну, ничего, Хейнц выручит...

КУРТ

Так ведь еще и самогон пили...

ГЕЛЬМУТ

Я и говорю - одна надежда на этого Хейнца.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Все летчики собрались, возбужденно ожидая Хейнца.

Над аэродромом пронесся «Мессершмит», под его животом прицеплена огромная бомба – бочка пива.

Самолет набрал высоту, сделал три круга, покачивая крыльями, затем Хейнц ювелирно притер его в конце полосы. От бочки пива до земли всего пять сантиметров, и она полностью занимает пространство между шасси.

Летчики восторженно подбрасывают Хейнца, потом аккуратно ставят на землю.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ДЕНЬ.

Девятаев, Аркадий и Иван возле ворот видят четырехугольную повозку, нагруженную мешками.

Ее на лямках тянут изможденные люди в полосатых костюмах черно – белого цвета. На груди у каждого треугольник, винкель – особый знак разного цвета. Их человек десять. Они еле переставляют ноги. Сопровождает повозку сытый и ухоженный автоматчик. Как только они поравнялись с конвоем Девятаева, автоматчик орет.

АВТОМАТЧИК

Мютцен аб! (нем. – «Шапки долой»).

Люди в полосатых костюмах с четко вышколенным остервенением сняли полосатые береты, разом ударив ими по правой ноге - получился полный синхрон. Так они приветствовали конвоиров. Затем «бурлаки» потянули телегу дальше.

У входа над воротами – орел с развернутыми крыльями, как бы охраняющий знак фашистской свастики. Ниже написано: «Арбайт мах фрай» и название концлагеря: «Заксенхаузен».

Девятаев, Аркадий и Иван идут по территории лагеря. Перед ними вновь массивные чугунные ворота между двумя зданиями комендатуры. У здания с мезонином их встречают солдат и высокий здоровенный сержант в гимнастерке с засученными рукавами. На уголках его воротничка две буквы «СС». Сержант принял от конвоиров пакет, передал солдату. Тот ушел.

Из здания стремительно выходят двое. У первого расстегнутый воротничок коричневой рубашки, в руке хлыст – это Густав Зорге. Он останавливается перед ними, широко расставив ноги, поигрывая хлыстом, говорит, а за ним переводит переводчик.

ЗОРГЕ И ПЕРЕВОДЧИК

Вы вонючие русские свиньи! Все вы будете уничтожены! Вы преступники! Вы дезорганизовывали нормальную жизнь в резервациях для пленных. Запомните: отсюда никто не убежал и не убежит. Так говорю вам я – заместитель коменданта лагеря Густав Зорге. Здесь меня зовут Железный Густав! Здесь приводятся в исполнение смертные приговоры! Но смерть еще надо заслужить...

Щелкнув несколько раз хлыстом, Густав что-то сказал сержанту, и они с переводчиком удалились.

СЕРЖАНТ

Тефятаефф!

ДЕВЯТАЕВ

Я...

Сержант подходит к Девятаеву и бьет его в подбородок.

СЕРЖАНТ

Штильгештанден! Штильгештанден!

Михаил выпрямился, насколько мог, встал по стойке «смирно». За ним вытянулись Пацула и Цоун.

СЕРЖАНТ

Линкс! Рехтс! Мютцен аб!

Они не понимают его.

Сержант начинает избивать всех троих.

СЕРЖАНТ

Линкс! Рехтс! Мютцен аб!

К сержанту, Девятаеву, Ивану и Аркадию подходит солдат с тремя карточками в руках. Он повел заключенных по каменному коридору между зданиями комендатуры. У тыльной стороны одного из них они остановились. Отсюда вглубь лагеря тянулись высоченные стены, охранные сооружения, через которые даже мышь не проскользнет. И она запуталась бы в колючей проволоке, по которой шел ток высокого напряжения. А дальше – глубоко взрыхленная полоса земли. И везде надписи: «Не подходить! Стреляем без предупреждения!»

ЦОУН

Слушай, Миш, вот здесь нам точно... как это по вашему... кирдык, да? А Кляйнкенигсберг еще родным домом покажется...

ДЕВЯТАЕВ

Неважно, как это по нашему. Но на кирдык очень похоже.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ДЕНЬ.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Хорошо, хоть нога зажила. А то, пожалуй, и дня бы здесь не выдюжил...

Солдат вручил каждому из них по карточке, и встал поодаль.

Перед ними - широкая, метров сто пятьдесят, площадь. Вокруг нее – целый городок бараков, покрашенных в темно-серый, зеленый, другие цвета. Многие из зданий не имеют окон.

На самой площади стоит длинная виселица с десятью веревками. Мимо них медленно проползает черная закрытая машина с надписью «Имперская почта».

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Душегубка...

К Девятаеву, Ивану и Аркадию приблизилась колонна узников в разноцветном тряпье. Их встраивают в хвост колонны.

Сосед Михаила, смуглый парень, пацан еще, спрашивает.

СЕРДЮК

Откуда, браток?

ДЕВЯТАЕВ

Из Кляйнкенигсберга.

ЛУПОВ

Слыхал. Эх, милый, везло ж тебе. Против этого – барский лагерь, - включился в разговор сосед соседа, - ну, давай знакомиться. Меня Мишей зовут, фамилия Лупов.

СЕРДЮК

А я Дима, Дима Сердюк...

ДЕВЯТАЕВ

Михаил Девятаев.

ЛУПОВ

И за что же ты, тезка, попал сюда?

ДЕВЯТАЕВ

За попытку к бегству... Подкоп рыли.

СЕРДЮК

Это плохо. Очень плохо. За это здесь – смерть. Правда не сразу, помучают сначала, гады... Вон она стоит, - он кивнул на виселицу, - по нам скучает. Толста шея или тонка, ей без разницы, все равно затянет... Да ты не дрейфь, брат. Может, и пронесет. Такое здесь тоже бывает, а лучше нас послушай. Значит, пока на работе – не курить, пристрелят. Ходить только по указанным дорожкам.

ЛУПОВ

К стенам не приближаться - перед каждым военным немцем стоять в положении «смирно» и шапку долой.

СЕРДЮК

Если будут бить - упаси тебя Бог оправдываться. Тверди одно: «Виноват, виноват», тогда, может, жив останешься. А иначе забьют до смерти.

ЛУПОВ

И сразу ищи себе друзей - здесь сто друзей – мало, а один враг – много.

Колонна останавливается перед построшкой, это местная баня. Конвоиры отсчитывают по пять десятков, и загоняют пленных внутрь.

ЛУПОВ

Вот здесь, и сейчас, решится твоя судьба, тезка. Жизнь, Миша, будет зависеть только от одного – какую нашивку ты получишь. Помни: если винкель красный – хана, пропал! Недели две помучают и отправят туда.

Лупов кивнул в сторону жирно дымящей трубы.

ЛУПОВ

А оттуда, брат, сам понимаешь – и летчики, и пехотинцы вылетают только через нее, через трубу...

СЕРДЮК

Могут еще в больницу отправить - «ревир» называется. Черте что они там с нами делают: кровь высасывают, печенку вытаскивают, глаза выкалывают... Опыты по ихнему.

ЛУПОВ

Черти, черти - иначе не назовешь. Мне вот бабушка в детстве про ад рассказывала, думал, ерунда, а вот, поди ж ты, своими глазами сподобился увидеть...

СЕРДЮК

Ну а теперь представь, Миша, что и это еще не предел. Есть у них места, где режим еще жестче. Проще сказать, попадаешь туда, считай, уже точно под пулю попал, под расстрел. А самый ататуй – это остров. Секретный он у них какой – то, ну и говорят, преисподня из преисподней. Так что лучше все же здесь остаться!

ДЕВЯТАЕВ

Ну, братцы...

ЛУПОВ

И не говори. Да и то – бабка-то у меня непростая была, одноногая. На деревянной колотушке ходила, с клюкой. Курлык, курлык... Вот и накурлыкала внучку, ведьма старая. Ее бы счас сюда...

Лупов говорит печально, но с каким-то остервенением. Звучит все это довольно комично, и спутники, несмотря на трагизм ситуации, улыбаются.

ИНТ. ШТАБ – ДЕНЬ.

Идет разбор полетов. Гауптман Кюхле, командующий авиагруппой, говорит.

КЮХЛЕ

Прекрасно летаете, Гельмут. Хорошо деретесь. Но слишком дерзко.

Гельмут, поймите, для настоящего «эксперта» это минус, а не плюс. Будьте хладнокровны, и у вас тут же появится «глаз истребителя». Не уподобляйтесь русским, которые иногда подставляют головы от избытка чувств.

ИНТ. СТОЛОВАЯ – ДЕНЬ.

ХЕЙНЦ

Гельмут, вам обязательно надо оставить в офицерской кассе 200 марок с инструкцией – потратить их на покупку спиртного для нас, когда вы не вернетесь из полета.

А это случится, по моему, очень скоро, судя по вашим замашкам в бою. Тогда ваша душа отправится на небеса, как и положено летчику истребителю. Традиции надо соблюдать...

ГЕЛЬМУТ

(вспылив)

Хейнц, вы уже не первый раз об этом говорите! Хорошо, я сегодня же оставлю в кассе 250 марок. Будем считать, что дополнительные 50 – награда за вашу проницательность...

ХЕЙНЦ

Ну, Гельмут, я же пошутил...

ГЕЛЬМУТ

А я нет!!!

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Два «Мессера» взлетают поочередно, потом парой делают демонстративно красивый синхронный разворот на аэродроме, и скрываются за горизонтом.

ЭКСТ. НЕБО – ДЕНЬ.

Переговоры по радио.

ВЕДОМЫЙ

Второй час. Никого. Будем возвращаться, шесть второй?

ГЕЛЬМУТ

Возвращайтесь. Я еще немного полетаю.

ГОЛОС ГЕЛЬМУТА

Привет тебе, фрау Справедливость. Наконец – то мы одни! Horrido! Мы бьем их, Марта, каждый день и каждый час... А они нас. И уже трудно понять, кто кого...

Ладно, не злись. Я ведь известный ерник. Помню, помню, как ты ненавидишь любое насилие. Да что ж делать, дорогая.

Хотя... А пощечина, которую ты мне залепила в 33ем, когда я вернулся с книжного костра! Как ты тогда сказала: «это твое аутодафе». Потом долго объясняла, что это такое.

Понятно, сожгли любимого Томаса Манна. Ты ведь уже тогда решила сделать литературу своей профессией.

И свинцовый взгляд отца, и его молчание со мной целый месяц.

После этого я послал в жопу этот гитлерюгенд и поступил в школу летчиков, чтобы не цеплялись.

Ладно, без грубостей.

И вот теперь лечу, высматриваю врага. А он меня.

Жди письма, Марта...

«Аэрокобра», пилотируемая русским летчиком, приближается к Гельмуту точно спереди.

ГЕЛЬМУТ

(про себя)

Видно, он давно меня засек...

Теперь обзор Гельмуту затруднен внезапно вспыхнувшими трассерами. Он открывает огонь из всех трех пушек «Мессершмита». И русский внезапно уходит вверх. Лишь последняя очередь Гельмута задела его хвост.

ГЕЛЬМУТ

Horrido!!!

В это время раздался удар, и самолет затрясло.

Сзади - еще одна «Аэрокобра».

Гельмут перевернул самолет и потянул ручку управления на себя. Он уходит от русских в облака, они теряют его. Но стрелка компаса еще не стабилизировалась. Гельмут мечется, он не видит земли. Крупный план приборной доски его самолета.

ГЕЛЬМУТ

Если русский все еще позади меня, то мне недалеко
до небес...

Он открывает боковую створку фонаря, видит сплошные трассеры, несущиеся с земли, скорее всего, это линия фронта. Уже заметно, как сильна вибрация, которая скоро разрушит самолет. И Гельмут идет на посадку, на брюхе. Садится в виноградники.

Машина при посадке взбрыкивает и подпрыгивает. Гельмут три раза приложился головой о прицел.

Он вылезает, покачиваясь, бредет прочь от самолета. Через минуты две тот взрывается. Гельмут обреченно идет дальше, а навстречу ему – две немецких мотоциклетки.

Гельмут садится на землю, на глазах появляются слезы – он не был уверен, что сел на своей стороне.

ИНТ. СТОЛОВАЯ – ВЕЧЕР.

Шум коромыслом, справляют тризну по погибшему Гельмуту.

Появляется Гельмут. Наступает тишина. Гельмут садится, наливает себе вина.

ГЕЛЬМУТ

Сколько уже истратили из моего фонда?

КЮХЛЕ

Сто пятьдесят марок, лейтенант.

ГЕЛЬМУТ

Тогда тост. Давайте все забудем и извлечем лучшее
из худшего. Прозит!

ЭКСТ. ПЛАЦ – УТРО.

Эскадрилья построена.

КЮХЛЕ

Рад сообщить, что ваш товарищ, лейтенант Гельмут
Бернгардт, после вчерашнего боя выполнил все
условия для награждения его Железными крестами
1 и 2 класса.

ИНТ. СОРТИРОВОЧНАЯ – ДЕНЬ.

В полутемном мрачном предбаннике стоят длинные столы, за которыми сидят пленные – регистраторы. К одному из них подходит Девятаев. Протягивает ему свою карточку. Тот, не глядя на Михаила, читает.

РЕГИСТРАТОР

Так, Девятаев, старший лейтенант, летчик. Ого, за попытку к бегству. Да ты, брат, понимаешь, что ты приговорен?

ДЕВЯТАЕВ

Понимаю. В Маобите приговор прочитали.

РЕГИСТРАТОР

Да, жалко, летчик – самолетчик. Тут, как любит выражаться наш блокфюрер, тот самый случай, когда «я фас не путу пить, я фас путу немношко фешать». Ну, не виселица, а крематорий тебе точно светит...

ДЕВЯТАЕВ

Что, прямо сейчас, что ли?!

РЕГИСТРАТОР

Ну, не сейчас, но скоро. Ладно.

Он наклоняется к уху Девятаева:

РЕГИСТРАТОР

Сбивал их?

ДЕВЯТАЕВ

Приходилось. Ну, короче, сбивал. Девять штук...

РЕГИСТРАТОР

Ладно. А самого где сбили?

ДЕВЯТАЕВ

Подо Львовом. Село Боратин, есть такое...

РЕГИСТРАТОР

(Приподнимается со стула)

Где?!

ДЕВЯТАЕВ

Западная Украина...

РЕГИСТРАТОР

Да я знаю.

Регистратор на секунду задумывается, нервно постукивая пальцами по столу. Потом вдруг говорит.

РЕГИСТРАТОР

Столько дел, Миша, столько дел. Ничего не успеваю.

Регистратор встает, подходит к двери в соседнюю комнату, негромко зовет.

РЕГИСТРАТОР

Василий!

К нему подходит высокий мужчина также в полосатой робе и в резиновом фартуке. Из нагрудного кармана торчат расческа, ножницы и машинка для стрижки волос. Смотрит на них. Регистратор передает ему красную нашивку и бирку, предназначавшиеся Девятаеву, кивает в сторону противоположной стены.

ВАСИЛИЙ

Угу.

Василий направляется к стене – у нее - трупы. Он нагнулся, положил одному из них на грудь «документы» Девятаева, взял нашивку и бирку трупа и ушел в свою комнату.

Василий стрижет Михаила.

ВАСИЛИЙ

Получай, и запомни, раз и навсегда, ты теперь не Девятаев, летчик, а учитель из Киева, Никитенко Степан Григорьевич, двадцать первого года рождения. А Девятаев лежит там, у стены. Усек?

ДЕВЯТАЕВ

Как же так, братцы?! Как же так? Я ж тебя теперь всю жизнь помнить буду...

ВАСИЛИЙ

Эх, всю жизнь... Оно и теперь неизвестно, сколько тебе жить... Ладно, иди. Иди, иди, раздевалка вон там.

Он выходит. Проходит комнату регистратора.

ДЕВЯТАЕВ

Спасибо, братец.

РЕГИСТРАТОР

Постой на минутку. Повезло тебе, летчик. У меня там сестра живет, в Боратине. Красивая девка, жуть. Ядвигой зовут. Так что ты вроде как и за нее бился, за нее пострадал...

Девятаев сначала на ватных ногах, а потом уж и бегом бежит в раздевалку. Ему выдают нижнее клетчатое белье, поношенные полосатые брюки, портянки, ботинки с деревянными подошвами, шапку, полупальто. Он переодевается, и вдруг в мозгах вспыхнуло.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Ядвига. Красивая девка, жуть.

Ему мерещится телега, ее догоняет Ядвига, сует ему кувшин с компотом...

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

В бараке. Михаил сидит среди заключенных – новеньких – за длинным столом. Клюет носом. Потом подпирает подбородок кулаком.

ИНТ. КАБИНЕТ – ДЕНЬ.

Перед Девятаевым сидит полковник, комполка, за столом.

ТИТРЫ: МАЙ 1942. УКРАИНА.

ПОЛКОВНИК

Надо генерал – лейтенанта одного найти.

ДЕВЯТАЕВ

То есть?

ПОЛКОВНИК

А! Ты же еще ничего не знаешь. Пока за машиной мотался, тут у нас целая история с этим генералом. Короче, он тяжело ранен и находится в одном из сел около Кривого Рога. Его надо срочно доставить в Москву, только там смогут помочь при таком тяжелом ранении. Так вот, уже трех летчиков за ним посылал. Двое вернулись, село не нашли, его вообще на карте нет, а один разбился при посадке на раскисший грунт. Давай, Девятаев, выручай, ты же бывший

истребитель, у тебя чутье, интуиция, летная техника...

ДЕВЯТАЕВ

Почему это бывший?!

ПОЛКОВНИК

Ладно, ладно, не обижайся. Отдохни немного, и лети. А то я чувствую, мне из-за этого генерала скоро голову снимут... Ну а я – тебе...

ДЕВЯТАЕВ

Ясно, товарищ полковник.

ПОЛКОВНИК

Весь исходняк – у начальника штаба.

ИНТ. В САМОЛЕТЕ (ПО-2) – РАССВЕТ.

Девятаев летит в вязком тумане. Земли не видно. Ориентиров нет. Михаил начал снижаться в тумане, и под его нижней кромкой увидел внизу горящие здания. Тут же пулеметная очередь прошла крыло. Опять ушел в белый кисель. Наконец тот поредел, и почти сразу Михаил увидел село.

ДЕВЯТАЕВ

Кажется, то самое...

ИНТ. В ИЗБЕ – ДЕНЬ.

МАЙОР МЕДСАНБАТА

Увезли его. На поезде. Но это верная смерть, он столько времени не протянет без операции.

ДЕВЯТАЕВ

Елки – палки. Это они в сторону Пятихаток двигаются?

МАЙОР МЕДСАНБАТА

Ну да.

ДЕВЯТАЕВ

Там уже немцы. Только что меня обстреляли.

МАЙОР МЕДСАНБАТА

Ну, давай, лейтенант, действуй!

ЭКСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

Девятаев на самолете – над поездом.

Он снизился над паровозом так, что чуть не задел его шасси, но машинист только гудит в ответ.

ИНТ. КАБИНА ПОЕЗДА – ДЕНЬ.

МАШИНИСТ

Да что это с ним! Малахольный какой- то! Выпил, наверное, белого вина, сокол...

ЭКСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

Михаил обогнал состав, сел на дороге, идущей параллельно железке, поднялся на рельсы, начал махать шлемом.

Поезд даже не притормозил.

Пришлось еще раз повторить все сначала. И здесь уж Михаил поднялся на насыпь и просто сел на рельсы. Наконец машинист дал гудок и начал торможение.

Девятаев подошел к кабине и зло спросил.

ДЕВЯТАЕВ

У тебя там в голове что находится? Песок или опилки?

МАШИНИСТ

Что такое, товарищ лейтенант? Что случилось? Закуски не было?..

ДЕВЯТАЕВ

Какой закуски? Ты, черт рогатый знаешь, что делаешь?! Ты прямиком к немцам жмешь. В Пятихатках фашисты, понял?!

МАШИНИСТ

Да кто ж знал?

ДЕВЯТАЕВ

Кто знал, кто знал. Я знал... В каком вагоне генерал-лейтенант?

МАШИНИСТ

Да, кажись, в третьем по ходу...

ДЕВЯТАЕВ

Кажись... Дать бы тебе по тылке волосатой...

ЭКСТ. У САМОЛЕТА – ДЕНЬ.

Раненого генерала выносят из самолета на носилках.

ГЕНЕРАЛ

Летчик. Лейтенант. Подойди...

Девятаев подбегает к носилкам.

ГЕНЕРАЛ

(ординарцу)

Отдай ему мой пистолет. На память тебе, сынок. Век тебя помнить буду...

Девятаев помог перенести генерала в машину, а потом присел на траву...

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Задумавшийся Девятаев очнулся от хриплого крика.

ШТУБЕЛЬТЕСТЕ

Улыбаться! Кто тут грустит? Смотрите, он загрустил, ему скучно! Он не улыбается...

Штубельтесте – старший по бараку – немец из Латвии, выскочил из своей кабины и начал бить резиновой дубинкой одного из узников. Орет.

ШТУБЕЛЬТЕСТЕ

В нашем лагере никому не должно быть скучно! Все должны быть бодрыми и улыбаться!

Тут же, как по команде, появилось еще человек пять его помощников, помогают бить. Штубельтесте прыгает ему на голову двумя ногами, раздался хруст...

ШТУБЕЛЬТЕСТЕ

Ему весело! Ему наконец-то весело. И всем вам будет сейчас также весело...

Толпа ринулась к выходу. Помощники начинают избивать всех подряд. Девятаев ныряет под стол.

Отбой. Все затихло. Изредка слышатся стоны и вскрики избитых.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – УТРО.

Полураздетых, обутых в деревянные колодки людей построили в колонну, и по двору, взад – вперед, бегом. Отжимания от мостовой, снова бег.

ДЕЖУРНЫЙ
Отличный «шпорт»!

Девятаев с пудовым ранцем за спиной, а на ногах - новенькие ботинки. Он идет по кругу среди других заключенных-«топтунов» в новой обуви среди бараков. Там, где замыкается круг, сидит счетчик, считает, сколько накрутили. Фигуры «топтунов» становятся все ниже и ниже в сладковатом дыму, застилающем все вокруг. Сладковатый дым из крематория.

СЧЕТЧИК
Девяностый круг.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.
В бараке Михаил падает на нары и смотрит в потолок.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)
Черт, как бы выбраться отсюда!

Перед глазами – картошка в масле, с укропом, предел мечтаний. И маленькие «нежинские» огурцы...
Он поворачивается к Лупову, который лежит по соседству.

ДЕВЯТАЕВ
Когда сбегу, первым делом такую картошечку где-нибудь надыбаю.

ЛУПОВ
Какую?
ДЕВЯТАЕВ
(мечтательно)
А такую...

Звучит сирена воздушной тревоги. Налет. Начинается суматоха, все вскакивают.

Пользуясь этим, доходяга Ваня, парнишка лет восемнадцати, родом из Польши, тащит из грузовика кирпичик хлеба.
За ним внимательно наблюдает блокфюрер Шуберт, даже по меркам Заксенхаузена выдающийся садист. Ваня этого не замечает.

ШУБЕРТ
Хлеб кушать, Ваня? Дай сюда. После покушать.
Будет тебе и хлеб, и петля.

Сразу после отбоя воздушной тревоги надсмотрщики схватили Ваню.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ВЕЧЕР.

На шею Ване накинули петлю, и тут Шуберт протянул ему злосчастную буханку. Ваня пришел в себя, глаза заиграли, засверкали, руки мгновенно схватили хлеб, и он стал есть его с неимоверной быстротой. Но палач не стал дожидаться, пока он насытится. Выбил чурку из под ног, Ваня повис, хлеб выпал из руки, рот застыл полуоткрытым, с недоеденным куском. И вдруг, буквально сразу же, веревка оборвалась. Когда парень пришел в себя, то первым делом схватил хлеб и стал жевать дальше. Фашисты хохочут до колик. Через минуты две Шуберт выстрелил ему в голову. Звук сирены обрывается...

ИНТ. ПЕЩЕРА – ДЕНЬ.

...И вновь нарастает. Гельмут с друзьями Куртом и Хейнцем сидят в «комнате», пещере в скале. Советские ПО - 2 бомбят немецкий аэродром.

ТИТРЫ: СЕНТЯБРЬ 1944. АЭРОДРОМ БЕЛОБЕК.

ХЕЙНЦ

Дружище, вы, наверное, вообще забыли, как выглядят настоящие фрау. Не говоря уж о том, как они пахнут...

ГЕЛЬМУТ

---И теперь уже вряд ли удастся.---

КУРТ

Что вряд ли удастся?

ГЕЛЬМУТ

Ну, и посмотреть, и понюхать...Это вы, кажется, забыли, что у меня есть Марта... Которую я не так уж давно видел.

ХЕЙНЦ

---И это говорит один из лучших летчиков нашей авиагруппы, 163 сбитых самолета на собственном счету... (Вкрадчиво) А Марта...Марта это...Марта.

ГЕЛЬМУТ

Слушайте, друзья. А вот помните, меня первый раз сбили? Вот я – то тот бой до сих пор хорошо помню. Как первую женщину...

ХЕЙНЦ

Гельмут, вы неисправимы...

ГЕЛЬМУТ

А! Жаль, больше не встретил того Ивана. Сейчас он меня вряд ли бы сбил. Скорее, я его. Куда-то он пропал... Так, кажется русские отбомбились. Идем на улицу курить.

Они выходят, закуривают, но тут начинается «вторая волна» бомбежки, и друзья возвращаются в пещеру. Входит солдат, помощник дежурного по аэродрому.

СОЛДАТ

Как отбомбятся, приказано взлетать.

ГЕЛЬМУТ

Слава Богу - в небе-то поспокойней. Я прав, Хейнц?!

ХЕЙНЦ

Вы всегда правы, Гельмут.

ЭКСТ. НЕБО – ДЕНЬ.

ГОЛОС ГЕЛЬМУТА

Здравствуй Марта, здравствуй родная. Вот, патрулируем вдвоем, все тихо спокойно, решил поговорить.

Я вот думаю: хорошо это, или плохо, что ты меня не слышишь? И для кого эти письма, или что это, для тебя, или для меня? Скорее, для меня. Я еще не знаю, буду ли я тебе их пересказывать. Да нет, ты не так поняла: захочу ли?

И вообще, как жить будем, Марта? Ну с тобой то все ясно, у тебя на руках маленький Хейнц, и пока он станет чемпионом, хлебнуть тебе придется. А я? А все мы – Хейнц, Курт... Да, что с нами со всеми будет? Они отличные парни, мои друзья. И вояки. Война мне их подарила. Хотя, я среди летчиков подлецов не встречал. Наверное, их просто нет среди нас. А, Марта? Что – то страшно. Бравый летчик Гельмут чего-то боится?! И еще как боится, Марта. Это что же будет: всеобщий плен? Плен всей Германии? Так, что ли?

Или ты, моя умная и справедливая Марта, что -нибудь придумаешь? Но ты же знаешь, что я ни за чьей спиной прятаться никогда не буду.

Все, больше не могу об этом думать. Воевать

же еще...

Кстати, насчет войны. Марта, тут у меня небольшая проблема... Вообще, потом договорим.

После недолгого барражирования его ведомый фельдфебель Штольпе первым заметил одиночный ЯК.

Как и они, он летел прямо к южной оконечности Крыма, чуть ниже «Мессеров».

ГЕЛЬМУТ

Вперед, Штольпе. Он ваш.

Гельмут поднялся выше и начал следить за воздушным пространством. Фельдфебель атаковал, но открыл огонь слишком рано. Русский увидел трассеры, свистевшие мимо, и бросил свой самолет в крутой вираж.

ГЕЛЬМУТ

Делайте новый заход. Я сообщу вам, когда стрелять.
Атакуйте, сближайтесь, еще ближе.

Но Штольпе опять открыл огонь с 1000 метров и предупредил русского. Тот начал в небе пляску, в то время как ведомый Бернгардта вцепился в него, дико стреляя. Гельмут остановил его и велел начинать новую атаку. Штольпе удалось выйти в хвост Яку. Начал сближение.

ГЕЛЬМУТ

Стреляйте. Можно.

Но оружие Штольпе молчало.

ШТОЛЬПЕ

(истошно)

Пушку заклинило!

ГЕЛЬМУТ

(про себя)

Как бы не так - патроны кончились.

ГЕЛЬМУТ

Уходите назад! Следите за пространством.

Уменьшив скорость, он осторожно приблизился к противнику. Русский немедленно отвернул, но это не помогло ему. В ходе второго полного разворота Гельмут перевернул свою машину на спину, и, скользя на крыло, начал опускаться к русскому. Сделав достаточное упреждение, он открыл огонь и заставил пролететь ЯК через его очереди. Тот развалился и упал в море.

ИНТ. В ДОМЕ – ВЕЧЕР.

Бомбежка. Гельмут - в своей комнате.

Гельмут услышал, что русские улетели. Он вышел.

ЭКСТ. ДОРОГА У ДОМА – ВЕЧЕР.

Штольпе - пьяный в дым. Идет по направлению к поселку, находившемуся неподалеку.

ГЕЛЬМУТ

Штольпе!

Тот никак не отреагировал. Гельмут пошел за ним. Штольпе ввалился в первый дом, и сразу же послышались выстрелы. Гельмут побежал, рывком открыл дверь совсем крохотной мазанки.

ИНТ. В ХАТЕ – ВЕЧЕР.

Штольпе стоит с пистолетом и орет.

ШТОЛЬПЕ

Проклятые ублюдки! Унтерменш! Я вам покажу
конец войны!!!

В ногах у него - старик в луже крови. Его жена, уже совсем глубокая старуха, - лежит в углу молча.

Гельмут выкрутил руку с пистолетом и ударил Штольпе рукояткой в переносицу.

ГЕЛЬМУТ

Свинья. Ты бы так в бою себя вел. Марш на
аэродром.

ШТОЛЬПЕ

Гауптман...

ГЕЛЬМУТ

Фельдфебель! Вы арестованы. Вперед.

ИНТ. КОМНАТА ГЕЛЬМУТА – ВЕЧЕР.

Гельмут сидит в своей комнате, его трясет. Наверху опять бомбежка. Взлетать пока невозможно. Он выпивает красного вина, одергивает мундир, выходит.

ИНТ. В КАБИНЕТЕ МАЙОРА – ВЕЧЕР.

ГЕЛЬМУТ

Герр майор!

КЮХЛЕ

Да знаю, Гельмут, все знаю. К сожалению, у меня нет ни гауптвахты, ни санчасти с психиатром. Но с тобой он больше летать не будет, это я тебе обещаю.

ГЕЛЬМУТ

Причем здесь я? Ему вообще летать нельзя. Тем более, в такой обстановке. Отправить куда-нибудь в зондеркоманду, пусть там свои подвиги совершает.

КЮХЛЕ

Да какие теперь зондеркоманды. Ладно, черт с ним, с этим Штольпе. Сейчас действительно не до него. Но раз уж пришел... Две новости

ГЕЛЬМУТ

Хорошая и плохая, - улыбается Гельмут.

КЮХЛЕ

Да нет, обе, в общем, хорошие. Если сейчас вообще можно говорить о чем - то хорошем. Во – первых, ты награжден очередным Железным крестом с листьями Дуба. Во – вторых, завтра мы улетаем из этого проклятого Крыма.

ГЕЛЬМУТ

Куда, господин майор?

КЮХЛЕ

Тебе скажу. На Балтике есть одна секретная авиабаза, находится на острове. Готовься, дружище.

ЭКСТ. ДВОР ЛАГЕРЯ – ДЕНЬ.

На площади за столами сидят гражданские немцы, в стороне – скучает высокая некрасивая женщина. К столам подходят по-очереди обнаженные заключенные. Среди них - Девятаев.

ГОЛОС ИЗ РЕПРОДУКТОРА

Подходим к фрау и поворачиваемся перед ней на все 360 градусов.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Может помещица? Возьмет к себе, а оттуда и удрать будет легче.

К даме подошел высокий брюнет, все тело которого было разрисовано татуировками: львы, волки, червонные тузы...

И тут впервые вместо презрительного выражения у нее на лице появилась заинтересованная гримаса.

ДАМА

О! Рехтс (направо)!

Настала очередь Девятаева.

ДАМА

Линкс (налево)...

Он стал в строй налево. И рядом увидел стоящего Ивана Пацулу.

ДЕВЯТАЕВ

Ванька! Ты, чертушка. Первый раз свиделись. Слушай, не повезло, а? Я бы из ее поместья на второй день ушел.

ПАЦУЛА

Ты что, Миша!? Ты что, ничего не понял? Она же татуированных отбирает. Догадайся с двух раз, для чего?

ДЕВЯТАЕВ

Вот твари! Неужели с живых кожу сдирают?

ПАЦУЛА

Ну, там у них для этого целая методика. Ладно, нас это не касается. Новость слышал?

ДЕВЯТАЕВ

Смотря какую. Говори.

ПАЦУЛА

Сейчас часть людей отправят на «остров дьявола». Помнишь, нам ребята о нем рассказывали?

ДЕВЯТАЕВ

Где-то на Балтике. Да будет. Хуже того, что здесь творится, уже не придумаешь.

Гражданские уходят. За стол садятся два полковника. Перед ними несколько стопок папок. Это личные дела заключенных. К ним по одному подходят офицеры, один из полковников вручает каждому часть папок. Начинается перекичка. В результате образовалось две группы узников.

К той, в которой Девятаев, подбежали эсесовцы с овчарками, отсеки от колонны. Пацула оказался в другой, её погнали назад, к баракам. Водораздел пришелся точно на них.

Михаила сажают в крытый брезентом армейский грузовик.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Девятаев сидит в кучке военнопленных на краю летного поля.

ДЕВЯТАЕВ

Они сейчас повезут нас на остров смерти. Терять нечего. Может, перебьем летчиков...

ОДИН ИЗ ПЛЕННЫХ

И носом в землю?!

ДЕВЯТАЕВ

Да нет. Я сам летчик.

ПЛЕННЫЕ

Давай!

Но перед посадкой в «Юнкерс» всем надевают наручники. Загоняют в фюзеляж. Кладут лицом на ребристый пол. По периметру – четыре автоматчика.

Девятаев чуть приподнимает лицо. На лбу крупные капли пота. Но главное – глаза. В них – нечеловеческая тоска.

ГОЛОС ФАИ

Мишка, а теперь не психуй, и не волнуйся. Дело в том, что письмо это я пишу тебе из больницы. Врачи положили меня на сохранение. И ничего страшного, со многими такое бывает... Короче, не дергайся, воюй так же хорошо, как и прежде воевал. Гордость ты моя.

Глаза Девятаева стекленеют от злобы.

ДЕВЯТАЕВ

(Про себя)

На остров, значит. Ну, ладно. Все равно обдурю.
Шваль, псы поганые. Мордвин, национальности они
такой, видите ли, не знают...
Господи, ты-то как допустил таких уродов?! Обдурю.
Хоть на острове, хоть где. Или уж сдохну. Чую,
только так и будет.

ИНТ. КАБИНЕТ ВИЛЛИ – ДЕНЬ.

ВИЛЛИ

Ганс!

Входит его долговязый помощник.

ВИЛЛИ

Ганс, мы давно уже работаем вместе. Привыкли
друг к другу. Что вы скажете о том, чтобы поехать
со мной на новое место службы.

ГАНС

Буду только рад, герр комендант.

ВИЛЛИ

Ну, тогда собирайтесь. Я получил новое назначение,
на... впрочем, об этом вы потом узнаете. Буду
командовать операцией «Балтика Утро». Наконец –
то в рейхе возникла потребность в настоящих
специалистах. Вот, Ганс, это пока все, что вам нужно
знать.

ГАНС

Слушаюсь, герр оберст.

Документальные кадры. Аэродром острова Узедом, взлетают и садятся «Юнкерсы»,
«Хейнкели», «Мессершмитты».

ТИТРЫ: ЯНВАРЬ 1945. ОСТРОВ УЗЕДОМ.

ЭКСТ. У БАРАКОВ – ВЕЧЕР.

Михаил возле барака задрал голову, с удовольствием смотрит на облака. Это Балтика
– они несутся, огромные и тяжелые, совсем низко, и быстро, как истребители. Еще
слышится шум моря, волны накатывают на берег с характерными обертонами.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Михаил падает на нары. Подошедший через минуту сосед снял байковую куртку, под которой оказался теплый и модный свитер.

ДЕВЯТАЕВ

Ого! Откуда такая роскошь?

СОСЕД

Откуда... А ты вообще – то кто такой будешь?

ДЕВЯТАЕВ

Я новенький. Степаном кличут.

СОСЕД

А я старенький. Что лейтенант, неужто я так изменился, что не узнаешь? Хотя, оно понятно, помотало нас...

Девятаев садится на нарах, смотрит на соседа. Видно, что он встревожен.

ДЕВЯТАЕВ

Не, не припомню... Война, брат, столько людей перед глазами...

СОСЕД

Ладно. Под Конотопом Як собирали, я тебе помогал...

ДЕВЯТАЕВ

Старшина... Овсиенко. Быть того не может!

ОВСИЕНКО

Да вот может. А я тебя часто вспоминал, пока в плен не попал. Сейчас – то все больше о родных думается... Не сдал ты меня тогда, лейтенант.

ДЕВЯТАЕВ

Что ты все – лейтенант, лейтенант. Зови Степой.

ОВСИЕНКО

Понял. Работаешь где?

ДЕВЯТАЕВ

Где придется. Не разобрался еще в обстановке...

ОВСИЕНКО

Понятно. Ну, идем завтра со мной, тогда поймешь, откуда у меня одежонка-то.

ЭКСТ. В ГРУЗОВИКЕ – УТРО.

Овсиенко и Девятаев - в крытом грузовике – который едет по лесной дороге.

ОВСИЕНКО

Ты, Степа, не сомневайся. Оно, конечно, долго не проживем мы в этой команде, каждую неделю какая-нибудь группа на воздух взлетает, но хоть миг относительно нормальной жизни урвем.

ДЕВЯТАЕВ

Да ладно. Там посмотрим.

ЭКСТ. РУИНЫ – ДЕНЬ.

Руины, видно, что дома разрушены недавно, кое – где еще курится слабый дымок. Заключенным выдают разнообразный шанцевый инструмент и ведут к объекту, под конвоем, с собаками.

Охранник показывает дом, в котором находится неразорвавшаяся бомба.

БРИГАДИР

Все, что найдете ценного, сдать мне, иначе...

Овсинко, Девятаев и еще несколько человек ползут в пролом.

ОВСИЕНКО

Ну вот, друзья, мы на своей территории. Сюда ни один эсесовец не сунется. Подышим без них вволю, поговорим.

Начинается освобождение бомбы из-под обломков. У Девятаева неистово колотится сердце.

Тащат бомбу. Она подается с трудом. Девятаев, в процессе, перехватывает, чтобы было удобнее тащить, за какой-то крюк.

ОВСИЕНКО

Так, все замерли.

Он подходит к Девятаеву, потихоньку отцепляет его руку от этого крюка.

Они вытаскивают ее, и Овсиенко говорит.

ОВСИЕНКО

За взрыватель тащил, Степа. Ну ничего, обвыкнешь, разберешься.

ДЕВЯТАЕВ

Но ты уже специалист...

ОВСИЕНКО

В точку попал. Я ведь в армии сапером был.

ДЕВЯТАЕВ

Так выходит, ты мне сегодня жизнь спас, что ли?! И не только мне...

ОВСИЕНКО

Так выходит. Все, квиты, Степа.

ДЕВЯТАЕВ

Квиты.

Они выходят наружу не сразу. Сидят, молчат... Балагурить нет сил, но и выбираться из руин тоже смерть как не хочется.

ОВСИЕНКО

Пора.

Нашли много хорошей одежды и консервы.

Кое-что передали бригадиру – немцу, Михаилу достался свитер, теплое белье под полосатую робу. Наелся досыта...

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Девятаев говорит Овсиенко.

ДЕВЯТАЕВ

Все, дорогой. Больше я в русскую рулетку не играю.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Михаил на аэродроме быстро переворачивает вагонетку с бетоном. Потом деревянной кувалдой начинает колотить по ее бокам, выбирает остатки лопатой. Заключенные тачками увозят бетон, сваливают его на грунт, тщательно утрамбовывают.

Глаза Девятаева следят за самолетами. Он видит как выруливают «юнкеры», «хейнкелы», «мессершмиты» из капониров. Ревут, двигаясь к стартовой площадке. Потом взлетают.

Заключенные копошатся по всему аэродрому: на строительных площадках, у капониров, на самой взлетной полосе, зарывают и утрамбовывают воронки, приметы недавней бомбардировки...

Здесь испытывают опытные образцы реактивных самолетов. Девятаев видит их впервые, он еще и не знает, что это такое. Нет винтов – чудно?!

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Улететь можно. Вполне можно. Но сделать это не просто. Все группы в нашей команде охраняются вахманами, на аэродроме между ними нет контактов. Значит, надо сколотить свою группу, состоящую из одних участников побега. Что это за самолеты у них? Надо будет сразу нашим рассказать. Новое оружие... Но главное – надо быть очень осторожным. А начну, пожалуй, со страшины, с Овсиенко.
Кстати, где это он? Давно должен вернуться...

Через полчаса к нарам Овсиенко подходит молодой парень, снимает бушлат, ложится.

ДЕВЯТАЕВ

Эй, парнишка... Здесь занято.

Парень смотрит на него, потом отвечает.

ПАРЕНЬ

Да нет уже. Сегодня в обед вся команда в воздух взлетела.

ДЕВЯТАЕВ

Эх... Царство ему небесное. Пойду покурю...

ЭКСТ. У БАРАКОВ – ВЕЧЕР.

Он курит возле барака с тезкой, Луповым.

ДЕВЯТАЕВ

Слушай, что за народ вокруг? Никого ведь толком не знаем!!!

ЛУПОВ

(туманно)

Ну почему...

Лупов подводит к Девятаеву молодого щуплого парнишку, говорит.

ЛУПОВ

Вот, знакомься – Вася.

ДЕВЯТАЕВ

Степан.

Парень протягивает руку.

Девятаев и пристально смотрит в глаза Лупова. Тот подмигивает: «Все в порядке». Они хорошо понимают друг друга и без слов.

ЭКСТ. У БАРАКОВ – УТРО.

Заключенных – около тысячи - построили на плацу. Стоят в три ряда. Девятаев – в последнем, третьем. Эсесовский офицер в черной щегольской шинели, в белых перчатках, с пистолетом в руке, ходит взад – вперед перед строем. Это наш знакомый Вилли.

ВИЛЛИ

У вас был беспорядок. Я не люблю беспорядок!

Девятаев смотрит на него – и узнает. Невольно втягивает голову в плечи. Хотя от него до Вилли приличное расстояние, да и узнать Михаила нынче трудно.

Нацист картинно подул на дуло пистолета, и направил его на строй.

Выстрел – один из узников упал, кровь пропитывает снег. Офицер начал отсчитывать от убитого. Айн, цвайн, драйн... В тишине слышится лишь скрип сапог. Он останавливается, не спеша поднимает пистолет. Целится, спускает курок.

Выстрел – падает на снег узник. Выстрел – следующий...

Наконец, падает навзничь Вася. Тот самый Вася.

Скрип снега, офицер отсчитывает смертельные шаги...

ТИТРЫ. МОРДОВИЯ, СЕЛО БОЛЬШОЙ ШУСТРУЙ, ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ 1943.

ЭКСТ.ДЕНЬ. По улице, покрытой первым снегом, бежит мальчишка и истошно орет.

МАЛЬЧИШКА.

Тетя Галия! Тетя Галия!

Он забегает во двор обычного, невзрачного деревенского дома, спотыкается, падает, но кричать не перестает. К нему из дома выходит нестарая еще женщина.

ЖЕНЩИНА (ЭТО ГАЛИЯ ХАСАНОВНА ЛАЙШЕВА).

Что случилось? Что ты орешь, как резаный?!

МАЛЬЧИШКА - ЗАДЫХАЯСЬ.

Тетя Галия! Ваш Фатых приехал! Они с Флорой с околицы идут. Она меня вперед послала, чтобы я вас предупредил. Чтобы у вас с сердцем плохо не стало...

ЛАЙШЕВА.

Ох!

Она хватается за изгородь, стоит, ничего не говоря. В этот момент во двор входят Фатых Лайшев, военный летчик, лейтенант, ее сын, и ее дочь Флора. Он подходит к матери, обнимает. Она утыкается ему в грудь, плачет.

ФАТЫХ.

Ну что же вы мама плачете? Приехал вот с оказией.
До завтра. Самолеты принимаем. А вы плачете... Ну
что за абдраган! (пугаетесь, боитесь – тат.)

ЛАЙШЕВА.

Да не боюсь я. Это ж я от счастья.
От неожиданности...

ФАТЫХ.

Ну, ну. Не плачьте. Не волнуйтесь. Все нормально, все хорошо.

ИНТ. ВЕЧЕР. В ДОМЕ ЛАЙШЕВЫХ ПРАЗДНУЮТ ПРИЕЗД ФАТЫХА. НАКРЫТЫЙ СТОЛ, ЧЕЛОВЕК 15 РОДСТВЕННИКОВ И ОДНОСЕЛЬЧАН. ИДЕТ ОБЩИЙ РАЗГОВОР. ФАТЫХ СИДИТ РЯДОМ С МАТЕРЬЮ.

ЛАЙШЕВА – ТРОГАЕТ ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Сынок! Орден – то за что? Рассказал бы.

ФАТЫХ.

Так за что летчиков награждают, мама? За удачный
воздушный бой. Ну, для меня удачный. А для двух
ф фрицев не очень (смеется).

ЛАЙШЕВА.

Ты уж поосторожней с ними, сынок. А то что же? Ты
воюешь, отец воюет, а мне – то как здесь...

ФАТЫХ.

Нет, мама, все же, ну как так получилось, что
он таком возрасте на фронт попал?

ЛАЙШЕВА.

Как, как... А то ты не знаешь, как. Лайшев же. Без
него куда армия – то? Разобьют ведь без него
войско, сей же час разобьют.
Вот и записался в Москве в ополчение еще в 41... Ну
живой, тем и я жива. Э, да что я тебе рассказываю.
Сам такой же...

ФАТЫХ ХОХОЧЕТ.

ФЛОРА.

Братишка, а ты знаешь, что в Торбеево тоже летчик есть. Помнишь, Миша Девятаев, вы, кажется, учились вместе?

ФАТЫХ.

Да конечно помню. Уж сколько я ему раз сопатку после школы разминал (хохочет).

ФЛОРА.

Да!? А я так помню, прибежал домой с синяком, а кто поставил – не говорил. Может, Мишка?

ФАТЫХ (миролюбиво)

Может, и он. Давно было. Сейчас, наверное, и не узнаю. Эх, вернуть бы те баталии...

ФЛОРА.

А что, вот вернетесь, повторите – кто кого...

ФАТЫХ.

Эх, сестренка... (грустнеет, вздыхает).
А может и сейчас случай сведет.

ФЛОРА.

Случай, судьба... Ты на них, братишка, сильно
- то не надейся. Лучше на себя...

ФАТЫХ МОЛЧИТ, УЛЫБАЕТСЯ. УЛЫБКА ГРУСТНАЯ. СЛОВНО ЧУВСТВУЕТ БУДУЩЕЕ.

ЭКСТ.УЗЕДОМ. ПЛОЩАДКА ДЛЯ СТАРТА РАКЕТ – ДЕНЬ.

В центре многотонная ракета. Вокруг нее, кругом, кольцом, стоят мальчишки, 12 – 15 летние.

Начинается пуск: рев, огромная тепловая волна, пламя, газы. Мальчишки падают, лежат ничком до конца старта.

Когда ракета взлетает, к ним подбегают местные «эскулапы», и идет медицинская проверка подопытных: как отреагировал на подобную ситуацию молодой организм. У одного – перекосилось лицо, у другого - лопнули барабанные перепонки, у третьего вылезли глаза из орбит...

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Коля Урбанович, мальчик с перекошенным лицом - работает рядом с Девятаевым. Девятаев подает ему свое орудие труда.

ДЕВЯТАЕВ

Коля! Выбей лопату!

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Твари! На всю жизнь пацана изувечили у этой ракеты. Твари...

Коля начинает оббивать лопату от застывшего бетона.

ДЕВЯТАЕВ

Ладно, хватит! Отдыхай пока...

Они идут с работы в колонне рядом.

КОЛЯ

Эх, скоро все это кончится...

ДЕВЯТАЕВ

Скоро, вот только... Видишь, чем ближе наши, тем злее немцы. Как бы они не приняли мер. А меры у них, сам знаешь какие...

КОЛЯ

Да я не об этом. Сбегу я скоро отсюда.

ДЕВЯТАЕВ

Ты че, Коля?! Куда сбегу? Вон залив, несколько километров, вода ледяная, двух минут не выдержишь, везде немцы... Ты че городишь, парень?

КОЛЯ

А с чего ты взял, что я вплавь? На лодке.

ДЕВЯТАЕВ

Где ж ты ее возьмешь?

КОЛЯ

Ну, есть люди, найдут они лодку.

ДЕВЯТАЕВ

Значит, ты не один?

КОЛЯ

Да ладно, Степа, считай, что я тебе ничего не говорил.

ДЕВЯТАЕВ

Подожди, Коля. Для меня это очень важно. Очень. Расскажи, кто готовит побег.

КОЛЯ

Да никто, так, придумал я все.

ДЕВЯТАЕВ

Я думал, мы друзья. Думал, помогаем друг другу в беде. А ты... Ты не друг. Так, портянка.

КОЛЯ

Сам ты портянка. Ладно, поговори с Курносый.

ДЕВЯТАЕВ

Это кто такой?

КОЛЯ

Прозвище, Курносый. Я тебе его покажу. А, вон, видишь, конопатый? С шрамом на носу? Вот потому и курносый.

Девятаев ищет глазами Курносого, видит, тот пошел к вагонам с цементом. Михаил двинулся за ним.

Курносый останавливается, озирается, берет горстями песок с земли, и начинает засыпать его в бокс вагона. Михаил подождал, пока он сделал дело, встал на пути. Курносый выхватил небольшой кривой нож.

ДЕВЯТАЕВ

Подожди, брат. Разговор есть.

КУРНОСЫЙ

Какой разговор? Следишь за мной, да?! С Колькой разговоры заводишь... Кто ты такой, на самом деле?

ДЕВЯТАЕВ

Такой же как ты, заключенный. Да не бойся, не стукач я.

КУРНОСЫЙ

Вот так я сразу тебе и поверил. (Ворчит).Ладно, завтра приходи в наш барак, там и поговорим.

ТИТРЫ. БЕЛОРУССИЯ. В НЕБЕ НАД ПОЛЕСЬЕМ, МАРТ 1944.

ЭКСТ. НЕБО - ДЕНЬ.

Две пары советских истребителей ЛАГ-5 в свободном поиске. Ведущий верхней пары – Фатых. Идет разговор в эфире.

КОМАДИР НИЖНЕЙ ПАРЫ.

Фатых, пара «худых» сверху, слева.
Отбивай!

Начинается воздушный бой. Фатых и немец на Ме-109 отрываются от ведомых, крутятся. Кончается тем, что, выйдя из очередного виража, стали «крылом к крылу» и летят в одном направлении. Смотрят друг на друга – кто первым допустит оплошность. Немец резко уходит влево, но реакция у Лайшева блестящая. Он мгновенно разворачивается и, еще не закончив разворот, нажимает на гашетку. Очередь получается «на упреждение». «Мессершмит» загорается, разваливается.

ФАТЫХ (БОРМОЧЕТ ВСЛУХ).

Ну вот. А ты говоришь...

В эту секунду «Лавочкин» начал жутко трястись. Сзади его подбил неведомый откуда взявшийся еще один «мессер». Фатых просто проглядел немца в горячке боя. Он пробует пикировать, но поздно, самолет горит. Фатых выпрыгивает, открывает парашют. Вокруг никого. Он приземляется в лесу, к нему тут же подбегают двое вооруженных парней. Это партизаны.

ИНТ. В ЗЕМЛЯНКЕ КОМАНДИРА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА. ДЕНЬ.

КОМАНДИР.

Люблю такие ситуации. Мне ничего проверять не надо, тебе – ничего мне

доказывать. Все просто и ясно. Сбили сокола, и вся недолга... Красота.

ФАТЫХ.

Товарищ командир, ну что вы такое говорите...

КОМАНДИР.

Ладно, ладно, лейтенант, не обижайся. Понимаешь, попал ты из огня да в полымя. Вобщем, имеем точные сведения, что скоро нас немец возьмет в оборот. Спецбатальон вызвали. И сверху тоже достанется. Бомбить непременно будут. Так что, переоденься в гражданское, прими ДШК у оружейника, и готовься отражать атаки с воздуха. Сумеешь?

ФАТЫХ.

А переодеваться – то зачем?

КОМАНДИР.

А хрен его знает, чем все кончится. Немчура теперь осторожная стала, нас сразу, как раньше, к стенке не ставит, из пулемета не косит. Нынче они нас в плен берут. Чует кошка чье мясо съела (радостно улыбается). А если тебя в форме возьмут, точно за комиссара сойдешь. Ну и шлепнут за милую душу. Тебе это надо?

ФАТЫХ.

Не, я в плен не собираюсь...

КОМАНДИР.

Едрит твою через колено. Вроде опытный боец Красной армии, вон, ордена на груди, а зарекаешься... Я вроде как собираюсь. Мне – то оно, мил человек, уж совсем ни к чему.

ТИТРЫ. БЕЛОРУССИЯ. ПОЛЕСЬЕ. АПРЕЛЬ 1944.

ЭКСТ.В ВОЗДУХЕ 5 НЕМЕЦКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ, ИХ
ПРИКРЫВАЮТ ГЕЛЬМУТ С ХЕЙНЦЕМ. ПЕРЕГОВОРЫ В
ЭФИРЕ. ДЕНЬ.

ХЕЙНЦ.

Шесть второй, Гельмут, я так и не
понял, это боевой вылет или
«эйнзац»?

ГЕЛЬМУТ.

Если сфотографируем, что останется
от партизанской базы после этих
ребят, засчитают как боевой.

ХЕЙНЦ.

Подходит.

ЛАГЕРЬ УЗЕДОМ.ПРОДОЛЖЕНИЕ.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

В темном углу барака: Курносый, который назвался Володей Соколовым, и Иван
Корж.

ИВАН

Значит, взять ночью одеяла, ножницы по железу,
набросить одеяла на колючую проволоку,
перерезать ее, и укрытыми местами перебежать к
дому бакенщика. Отвязать лодку и переплыть залив.
Все, мы на месте.

ДЕВЯТАЕВ

На месте! Да ты хоть знаешь, кто вас там, на месте,
встретит? Я специально интересовался: на том
берегу стоят зенитки и морские орудия, патрулей
там видимо – невидимо. Через этот заслон почти
невозможно пройти... Разве что Бог поможет.

ИВАН

А! Что там кончат, что здесь. А так хоть шанс есть.

ЭКСТ. У БАРАКОВ – ВЕЧЕР.

Михаил идет к себе в барак.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Это, конечно, чистое самоубийство. Может, до лодки и доберемся, а дальше хана. Ни одного пароля не знаем, да и какие пароли... Как только нас заметит первый же катер, или обратно отбуксируют, или на месте утопят. Но ребята хорошие. Крепкие ребята. Вот так, никогда не знаешь, где потеряешь, где найдешь. Пацан на людей вывел, это ж надо...

ЭКСТ. У БАРАКОВ - ДЕНЬ.

Промозглый день, тучи нависли над лагерем, со стороны залива дует холодный ветер. Завыли сирены, появились русские самолеты. Всех заключенных немцы сгоняют к стене полуразрушенного дома, выстраивают цепочкой, по одному. Михаил встал около Ивана, и когда где-то на территории взорвались первые бомбы, начал разговор.

ДЕВЯТАЕВ

Иван...Ну, ты то ведь понимаешь, что ничего у нас не выйдет. Не выйдет на лодке через пролив. Я по Волге до войны плавал, так вот, даже ее, реку, на лодке трудно переплыть, а тут море... В котором полно их патрулей. Ты же в разведке служил, чего я тебе объясняю...

ИВАН

Слушай, че ты мне нервы треплешь, а?! Что, может у тебя есть идеи получше?

ДЕВЯТАЕВ

Есть.

ИВАН

Хм. Ну, давай, выкладывай. Даже интересно, что тут еще можно придумать. Только не вздумай бухтеть, что нас скоро и так свои освободят.

ДЕВЯТАЕВ

Да нет. Вон видишь, капониры. В них самолеты. Надо захватить один и улететь.

ИВАН

Нет, ну ты даешь! Это, по - твоему, лучше нашего плана, да? Кто его поведет-то, самолет? Летчик где?! Пописать вышел?!

ДЕВЯТАЕВ

Есть один человек.

ИВАН

Кто? Говори. Если не врешь, не придумываешь – говори.

ДЕВЯТАЕВ

Быстрый ты больно, Ваня. Хорошо, я сначала малость потолкую с ним, а уже потом будет ясно...

ИВАН

Что ясно?

ДЕВЯТАЕВ

Что, что... Все.

Бомбежка закончилась. Радостно возбужденный Михаил отходит от озадаченного Ивана.

**БЕЛОРУССИЯ. ПОЛЕСЬЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.
ЭКСТ. НЕБО - ДЕНЬ.**

...И бомбежка вновь началась. «Хейнкели» парами заходят на партизанский лагерь, в который попал Фатых, сбрасывают бомбы, «утюжат» базу. Пятый бомбардировщик «подводит черту», обстреливая оставшихся в живых из пулемета. Партизаны прячутся в основном в лесу.

**БЕЛОРУССИЯ. ПОЛЕСЬЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.
ЭКСТ. БАЗА ПАРТИЗАН - ДЕНЬ.**

Березовая роща. Фатых лежит в обнимку с пулеметом ДШК, с которого он снял щиток и треногу. Пулемет теперь напоминает противотанковое ружье. Рядом лежит командир отряда.

КОМАНДИР.

Вот курвы. Голову поднять не дают. Все хозяйство мне разбомбили...

ФАТЫХ.

Хорошо бы этим все кончилось.

КОМАНДИР.

Да нет, сынок. Каратели уже, наверное, с передовым отрядом воюют. Не слышно же ничего из за этих тварей крылатых. Я ж говорю – курвы...

ФАТЫХ.

Да, мне стрелять невозможно.

КОМАНДИР.

Лежи уж... Зенитчик.

ФАТЫХ.

Если что, плечо под пулемет не подставите?

А то видите, как я его раздел.

КОМАНДИР.

Ну, если что... Подставляю. Хотя мог бы кого и помоложе, в другом звании, найти...

ФАТЫХ.

Моя ошибка...

БЕЛОРУССИЯ. ПОЛЕСЬЕ.ПРОДОЛЖЕНИЕ.

ЭКСТ. НЕБО – ДЕНЬ.

ГЕЛЬМУТ.

Шесть третий, Хейнц, следите за пространством.

Наши молодцы, кажется, отбомбились. Я начинаю фотосъемку.

ХЕЙНЦ.

Шесть второй, понял. Контролирую пространство.

«Мессершмит» Гельмута делает широкий круг, потом идет на бреющем над разбомбленной базой. Гельмут нажимает на гашетку фотокамеры.

БЕЛРУССИЯ.ПОЛЕСЬЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

ЭКСТ. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА – ДЕНЬ.

Фатых смотрит на эволюции самолета Гельмута. Вскикивает, орет.

Фатых.

Товарищ командир!

КОМАНДИР(тоже вскочил, подставил плечо под ствол ДШК).

Царица небесная! Откуда ты взялся на мою голову!

ФАТЫХ(целится в идущего на бреющем «мессера).

Оттуда!

БЕЛОРУССИЯ. ПОЛЕСЬЕ.ПРОДОЛЖЕНИЕ.

ЭКСТ. НЕБО – ДЕНЬ.

Самолет Гельмута резко встряхнуло. Он тут же начал набор высоты. В наушниках встревоженный голос Хейнца.

ХЕЙНЦ.

Шесть второй! Дружище! Вас, кажется, подбили.

ГЕЛЬМУТ(с досадой и удивлением).

Да я уже понял. Но кто? Из чего? Чудеса!

ХЕЙНЦ.

Это пулемет в руках пока живого меткого Ивана. Вот и все чудеса. Уходите домой. Я его засек, сейчас разберусь.

ГЕЛЬМУТ.

Будьте осторожны, Хейнц.

ХЕЙНЦ.

Уходите, Гельмут. Я вас догоню.

За удаляющимся самолетом Гельмута тянется дымный шлейф. Хейнц делает крутой разворот чуть ли ни на месте, и резко бросает «мессер» в то место, где находятся Фатых с командиром. Он видит их, видит целящегося Фатыха, дает длинную очередь. На этот раз он был первым – Фатых и командир падают на землю. ДШК отброшен в сторону.

БЕЛОРУССИЯ. ПОЛЕСЬЕ. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

ЭКСТ. БЕРЕЗОВАЯ РОЩА – ВЕЧЕР.

Разоренный лагерь прочесывают каратели. В основном это украинцы, но командуют немцы.

СОЛДАТ КАРАТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА(подходит к лежащим Фатыху и командиру. Видит ДШК).

Ось як багато воевать бандиты стали. Дывись, ДШК.

Я с цим в червонной армии воевал.

ВТОРОЙ СОЛДАТ.

Ты бы язык – то прикусил, болтун. Смотри, один шевелится. А ну, вставай, бедолага.

Он тычет стволом автомата в бок Фатыху. Тот стонет, открывает глаза. Голова его в крови. Но ранен, видимо, по касательной.

СОЛДАТ.

Вставай, вставай. Пошли в плен.

ЭКСТ. УЗЕДОМ. ЛЕС – ДЕНЬ.

Девятаев с другими заключенными в лесу, на заготовке дров. Михаила догоняют Курносый с Коржом, кивают на чащу. Девятаев идет в нее, они – за ним. Остановившись на полянке, раскурили самокрутки из дубовых листьев.

ИВАН

Черт, дерет как, ни с какой махоркой не сравнишь. Ладно, слушай, парень, ты вот что... Ты это, тогда, про самолет, серьезно? Не трындел?

ДЕВЯТАЕВ

Серьезно.

ИВАН

Ну так тогда сведи нас с летчиком, если он есть. А то что-то не очень во все это верится. Слова пока одни...

ДЕВЯТАЕВ

Мужики, вы что, не понимаете, что ли, на какой риск он идет, открывшись. Если фашисты узнают, что в лагере есть летчик, пристрелят сей же секунд...

КУРНОСЫЙ

Ну и что ж теперь делать? В общем, не хочешь говорить кто, не надо. Но и нас тогда не путай. Не мешайся...

ДЕВЯТАЕВ

Да причем тут я?! Ясно, что на лодке мы ровно двести метров проплывем. И то, не факт... А на самолете через час у своих будем.

ИВАН

На колу мочало, начинай сначала! Короче, поговорили... Пошли Володя.

ДЕВЯТАЕВ

Да подожди ты. Говорю, больно ты нетерпеливый, Иван. Не бабу же в постель тащишь...

ИВАН

Ты на больное не дави. А че время зря терять?
Каждый день в этом смердящем бардаке, как год.
Да и не отдадут они нас, перебыют всех в самом
конце, это ж ясно.

ДЕВЯТАЕВ

Хорошо. Летчик есть, за это ручаюсь. Но, как сами
понимаете, летал он только на советских самолетах.
Немецких машин не знает. Так что, надо ему хоть
чуток подучиться.

КУРНОСЫЙ

Ну, тут мы поможем, без разговоров. Ты только
сведи нас, Степа.

ДЕВЯТАЕВ

Да не Степа я. Миша. Михаил Девятаев, летчик –
истребитель. Сбил до плена 9 фашистских
самолетов. Теперь вот гнию тут, вместе с вами.

ИВАН

Ты?! Но ты же учитель, Никитенко из Киева. Мы
специально узнавали...

ДЕВЯТАЕВ

Говорю тебе – Девятаев, Михаил. Мордвин я, и в
Киеве никогда не был. И тут, братцы, хотите мне
верьте, хотите нет. Вы рискуете, но, честно сказать, и
я рискую...

ИВАН

Да. Дела. Слушай, но ты же доходяга. Ладно, это
дело поправимое. Подкормим. **Дак ты говоришь,
мордвин? Слушай, а давай мы этот разговор на
завтра перенесем. Лады?**

ДЕВЯТАЕВ

**Чего же не перенести? Давай перенесем. Лады,
конечно.**

**На том же месте, в лесу. День. Корж с Курносым
приводят Фатыха. Чуть не доходя до Девятаева
останавливаются, и Фатых подходит к
Михаилу один. Начинается разговор на
мордовском языке.**

ФАТЫХ

Здравствуй брат. Ты откуда родом?

ДЕВЯТАЕВ
Из Торбеева.

ФАТЫХ
Ты?! Из Торбеева?! Подожди, не говори
ничего, дай я еще на тебя посмотрю...

ФАТЫХ
Нет, не узнаю. Кто ты?

ДЕВЯТАЕВ
Девятаев. Михаил Девятаев.

ФАТЫХ
Мишка! Ну, вот теперь что – то...
Прав я был тогда. Да, не узнал бы, ни
за что не узнал...

ДЕВЯТАЕВ (усмехается)
Так немудрено. А ты то кто?

ФАТЫХ
А не узнаешь?

ДЕВЯТАЕВ
Нет, брат. Не узнаю.

ФАТЫХ
Фатых я. Лайшев. Из Большого Шуструя.
Должен помнить. Мы же на всю округу
знаменитые были, за нашим дедом
первый самолет в деревню прилетел.
На операцию в Саранск увез.

ДЕВЯТАЕВ
Ну все. Вспомнил. Я же тебе в
четвертой группе по сусалам надавал.
За что, не помню...

ФАТЫХ
Ты?! Да это я тебе надавал...

ДЕВЯТАЕВ
Ладно, брат. Дай – ка я обниму
тебя...

ФАТЫХ

Миша...

ДЕВЯТАЕВ

Я здесь Степа.

ФАТЫХ

Понял. Нет, так не бывает. Аж жарко стало. Слышал про тебя, что ты у Покрышкина... А ведь я тоже летчик. Истребитель?

ДЕВЯТАЕВ

Истребитель.

ФАТЫХ

Ну, в масть, земляк. Оба истребители.

ДЕВЯТАЕВ

Фатых...

ФАТЫХ

А я здесь Федя.

ДЕВЯТАЕВ

Федя, я под чужой фамилией хожу, Никитенко, учитель из Киева. А тебя – то как сюда занесло? Фрицы здесь летчиков не держат.

ФАТЫХ (машет рукой)

А, долгая история. Ну, если коротко, после того, как сбили, к партизанам попал. Так я у них партизаном и числюсь.

ДЕВЯТАЕВ

А ты вообще в курсе, чего мы тут задумали? Чего они меня проверяют?

ФАТЫХ

Да нет. Просто попросили поговорить на мордовском. Че мне, трудно, что ли. Ребят этих уважаю, ну и согласился.

ДЕВЯТАЕВ

Правильно сделал. Сейчас, я думаю, они тебе все расскажут. Но про то, что ты летчик, пока молчи. До поры, до времени...

ФАТЫХ

Ясно. Ну че, звать их?

ДЕВЯТАЕВ

Конечно.

Фатых машет рукой Ивану и Курносому...

Позже. Корж подходит к Девятаеву в тот момент, когда он поставил колотушку, закурил.

ИВАН

Так с чего начнем?

ДЕВЯТАЕВ

С команды. Надо, чтобы в ней никого лишнего не было. Только наши.

ИВАН

Что ж. Заметано. Хотя, конечно, не так это просто сделать.

ДЕВЯТАЕВ

Эх, Ваня...

Девятаев затоптал окурок, подвезли следующую вагонетку.

ИНТ. БАРАК - ВЕЧЕР.

ЦЫГАН

Отбой!

Заключенные быстро укладываются на нары. Посреди барака стоит Цыган, старший в их команде. У него огромная рыжая башка. Он командует.

ЦЫГАН

Подъем. Отбой. Подъем. Отбой.
Теперь отжимания. Начали...

Узники, уставшие, измотанные после работы, отжимаются от пола, ложатся на нары, вскакивают, снова отжимаются.

ЦЫГАН

Саботаж! Отжиматься как следует!

Бьет дубинкой, сапогом по спине. Один из пленных не выдерживает, лежит, не шевелится – сил уже не хватает. Цыган подбегает к нему и начинает избивать. Парень, от которого остался один скелет, понимает, что обречен – сейчас, в эти минуты.

ПАРЕНЬ

Что, гнида, чуешь, да? Скоро, скоро и ты так же валяться будешь, подыхать...

ЦЫГАН

(по бабьи)

Врешь, врешь, сука. Не придут они на остров, не придут!!

Он даже на какой-то миг перестал избивать жертву.

ПАРЕНЬ

Придут. Но перед этим тебя, падаль, твои хозяева в печи сожгут...

ЦЫГАН

ААА...

Цыган начал неистово колотить мужчину дубинкой и ногами, минут через пять уже мертвого.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – УТРО.

Корж, убирая снег у капонира, говорит Михаилу.

ИВАН

Понимаешь, Миша...

ДЕВЯТАЕВ

Степа.

ИВАН

Ну, да, прости. Слушай, старшой этот, Цыган...Ну, что костоломит, черт с ним, ладно. Мало их таких на нашу голову, что ли. Переживем. Но он начинает

нам мешать. Чувствую, уже что-то подозревает. Уже спрашивал, чего это Курносый в команду Петьку Кутергина пригласил, вместо итальяшки. Чует, чует что-то.

ДЕВЯТАЕВ

Так надо что-то делать. Он же, зараза, все угробить может.

ИВАН

Ну, убирать-то его нельзя. Такой шмон начнется... «У вас был беспорядок. Я не люблю беспорядок...»

ДЕВЯТАЕВ

Да, ты прав. Убить его сейчас – себе дороже. Но и оставить все, как есть, тоже нельзя.

ИВАН

Бродит тут одна идея... И зовут ее Валька – парикмахер.

ДЕВЯТАЕВ

Не понял... Кого зовут? Ты и правда о бабах думаешь? Силен...

ИВАН

Да какие бабы. А! Если все получится, объясню.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Вечер. Иван подходит к невысокому, сухощавому парнишке. Он весь какой-то дерганный, суетливый. Это и есть Валька – парикмахер, родом из Луганска. Они идут в угол барака, где обычно проходят «толковища» узников, и шепчутся.

В барак заходит обер-лейтенант из охраны лагеря, перед ним тут же вытягивается главный по штубе - Эрвин.

ОФИЦЕР

Ты-то мне и нужен, пойдем к тебе.

Они заходят в каптерку Эрвина, лейтенант достает из нагрудного кармана кителя золотое кольцо с маленьким бриллиантом.

ОФИЦЕР

Камень еле держится, можешь укрепить его?

ЭРВИН

Конечно, господин обер-лейтенант. Завтра к вечеру все будет готово.

Он кладет кольцо на тумбочку, они уходят.

В комнату почти тут же проскользнул Валька – парикмахер, взял кольцо.

Валька разговаривает с Цыганом, незаметно подкладывает кольцо ему в карман.

ЦЫГАН

Так, значит, завтра сигареты будут? –
Переспрашивает Цыган.

ВАЛЬКА

Уж будьте уверены, господин капо. Трое итальянцев получили посылки, понимаете, три макаронника курят хорошие сигареты...

ЦЫГАН

Безобразие, ну, я жду тебя с куревом.

Из каптерки Эрвина слышится звериный рев.

ОФИЦЕР

Час на то, чтобы найти...

Идет повальный обыск, всех раздевают догола, но кольца ни у кого нет.

ЭРВИН

Всем выйти на плац! Кроме штубовых.

Их пятеро, они стоят перед Эрвином, он лично начинает их обыскивать.

И почти сразу вытаскивает кольцо из кармана Цыгана.

Бьют Цыгана палками, кулаками, ногами, потом тело увлакивают.

Девятаев и друзья радостно переглядываются.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Заключенные копаются в сугробе после ночного снегопада. Тачками вывозят снег за пределы взлетной полосы. В ближайшем к ним капонири стоит зачехленный «Хейнкель». Девятаев говорит **Фатыху**.

ДЕВЯТАЕВ

Смотри, я за ним давно наблюдаю. Кажется, это то, что нам нужно.

Это наш самолет!

Теперь ведем за ним постоянное наблюдение: когда взлетает, сколько раз в неделю, есть ли какая – то периодичность... Ну, и так далее... Короче, все детали.

ИНТ. БАРАК – НОЧЬ.

Михаил ворочается, представляет себя в кабине «нашего» самолета.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Наверняка ничего не пойму на приборной доске. Надо как-то ухитриться изучить «Хейнкель». Как минимум, посидеть в кабине. Хоть минут пять, визуально определиться. Надо действовать, надо. Под лежащий камень вода не течет... Наши что-то застряли на Висле. Вот и будет им подарочек, «Хейнкель»-то, по всему виду, непростой, скорее всего, опытный образец. Да и про ФАУ сможем кой – чего рассказать. Да и про всю эту чертову базу, чтоб ей ни дна, ни покрышки...

На утренней поверке Девятаев шепчет Фатыху.

ДЕВЯТАЕВ

Федь, как бы я глупостей не наделал. Нервишки – то ни к черту. Тут недавно поссать пошел, а ноги сами... Ты приглядывай за мной, чтобы я к «нашему» ни с того, ни с сего не поперся. Пристрелят ведь...

ФАТЫХ

Лады.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Группа стоит неподалеку от костра, короткий перерыв. Холод пробрал до костей не только их, но и вахтмана. Курносый приносит сырой камыш, кидает в костер, камыш тлеет, шипит и дымит.

КУРНОСЫЙ

(на немецком)

Герр камрад, есть же самолетная свалка. Там резина, фанера, доски. Они отлично горят.

ВАХТМАН

Хорошо, иди на свалку.

КУРНОСЫЙ

Ну да. Я отойду, а вы меня тут же пристрелите.

ВАХТМАН

Володя, перестань. Иди, не бойся. Иди.

КУРНОСЫЙ

А можно с напарником? Больше же топлива принесем.

ВАХТМАН

Можно, Володя, можно, бери кого – нибудь, и иди быстрее. Майн готт, проклятый холод...

Володя и Девятаев идут на свалку. На самолетной свалке он тут же бросается к наиболее сохранившимся «хейнкелям», тщательно осматривает кабины, приборные доски.

ДЕВЯТАЕВ

В принципе все ясно, но как он себя в полете поведет? Бог его знает, всякое может быть. Ладно, на Бога надейся... Ты вот что, Володя. Персональное тебе задание – когда «наш» взлетать будет, засеки время взлета. Сделаешь?

КУРНОСЫЙ

О чем речь, Миша.

ДЕВЯТАЕВ

Степа...

КУРНОСЫЙ

Тьфу ты, забыл. Но нет же никого.

ДЕВЯТАЕВ

Все равно – Степа.

КУРНОСЫЙ

Заметано. Ты закончил?

ДЕВЯТАЕВ

Да. Идем.

КУРНОСЫЙ

Подожди минуту. Тут такое дело, Степан. Ты же у нас за командира. Так что я обязан тебе рассказать...

Понимаешь, недавно нас погнали в штаб, убираться. И я там услышал разговор двух фрицев. Они же не подозревали, что я немецкий знаю, вот и трепались по полной. Ну, суть в том, что существует план, по которому, как только наши авиабазой начнут по настоящему заниматься, всех заключенных вывезут на баржах в море, и баржи утопят. Называется он «Балтика Утро». Всех. Так что, бежать надо в любом случае. Так и так ничего не светит...

ДЕВЯТАЕВ

Ты кому нибудь рассказывал?

КУРНОСЫЙ

Ты первый.

ДЕВЯТАЕВ

Ну, и дальше молчи. Значит, как котят хотят перетопить?! Вот же суки: жгут нас в печах, шкуру с живых дерут, теперь вот топить собираются... Ух, твари...

КУРНОСЫЙ

Но самое смешное и печальное знаешь в чем?

ДЕВЯТАЕВ

В чем?

КУРНОСЫЙ

Да в том, что чем ближе наши к нам, тем мы ближе к смерти.

ДЕВЯТАЕВ

(смеется)

Ты че, хочешь наших притормозить?

Эх, Вова... Нам ли жить в печали. Ничего у них не выйдет. Мы уже днями улетим. И всю информацию нашим передадим. Думаю, будет какое – то решение. Да и база не простая... Ух, псы бешеные... Да, надо бежать, чем быстрее, тем лучше для всех.

КУРНОСЫЙ

(улыбается)

Кроме гансов...

ДЕВЯТАЕВ

А при чем тут эти псы...

Михаил сбрасывает снег с «Мессершмита», а рядом готовят к полету «Хейнкель»: расчехляют моторы, подкатывают тележку с аккумуляторами, подключают их к бортовой сети, открывают дверцы кабины бомбардировщика. Наконец, заревели моторы, и Михаил застыл, забыл о работе.

Он смотрит, как летчик прогревает моторы, манипулирует с приборной доской. Немец чувствует пристальный взгляд, и начинает хвастаться своим мастерством. Он включает и выключает моторы, один раз делает это ногой. Он пижонит, вроде как говорит: смотри, как все подчиняется нам, молодым богам...

Девятаев мгновенно подыгрывает ему: чуть рот не раскрыл от удивления, восхищения, изумления. Покачивает головой от зависти.

Видит: летчик ударил по лапке зажигания, винты одновременно остановились. Ставит эту лапку на единицу, нажимает на кнопку топливного насоса, поднимает левую ногу, и, горделиво улыбаясь, носком сапога нажимает на педаль топливного насоса, а каблуком – на стартер. Левый мотор начинает работать. То же самое проделывает с правым мотором. И опять улыбается, глядя на Михаила: дескать, понял!

В это время конвоир огрел Девятаева дубинкой по спине. Он кубарем падает вниз, но встает со счастливым выражением на лице.

КУРНОСЫЙ

(смеется)

Что, Степа, задумался...

ДЕВЯТАЕВ

(улыбается)

Да, придавил чуток было... Разбудил, гад...

К Девятаеву подходит Дима Сердюк, самый молодой в группе.

СЕРДЮК

Слышь, Миша...

Девятаев выразительно глядит на него.

СЕРДЮК

Ох, забываю все время. Степа, тут такое дело. Ухожу я от вас. В другую команду. Вот так решил...

ДЕВЯТАЕВ

Ну, раз решил... Но сам понимаешь...

СЕРДЮК

Не учи ученого... Поболе твоего-то по лагерям мотаюсь... Порядки хорошо знаю. Не бойся, Миш... Тьфу ты, Степа.

ДЕВЯТАЕВ

Что ж. Как говорится, вольному воля, спасенному рай.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Девятаев в бараке что-то рассказывает Коржу.

ИВАН

Сопляк, сам не знает, что делает. На шамовку купился. Слушай, Степ, а не продаст?

ДЕВЯТАЕВ

Ну, до этого не дойдет, парень он честный. Но глупый. Хотя, конечно, ты прав – сопляк, кроме лагеря, ничего толком не видел, не знает. **Будь он проклят, во веки веков, этот лагерь... Вань, не поверишь: иногда матушку свою ругаю почему зря. Ну на хрена было меня, тринадцатого, рожать! Остановилась бы на двенадцатом... Че ты улыбаешься!? Я не шучу – сто раз уже пожалел, что родился.**

К чему это я? А, пацан. Мы как-то, еще в Заксе, разговорились с ним по душам, и я сболтнул, что у Покрышкина летал. Как говорится, и на старуху бывает проруха. Гляжу – ноль эмоций. Никакой реакции. И вдруг до меня доходит: да он не знает, кто такой Покрышкин! Представляешь, весь мир знает, а этот пацан – нет!

Поначалу мне его жалко стало, ну просто ком в горле. А потом я подумал: а ведь ему легче, чем всем нам. Он ведь этот морок за настоящую жизнь держит, и если вспоминает что-то, то как сказку какую, что ли... Не с чем сравнивать, понимаешь?!

ИВАН

Синдром раба. Что-то я нервничаю по поводу этого Сердюка сильно.

ДЕВЯТАЕВ

Спокойно, Ваня, спокойно... Я разберусь.

Дима достает из-за пазухи несколько картофелин и отдает своему капо. Девятаев подошел к Диме.

ДЕВЯТАЕВ

Зачем кормишь пса?

СЕРДЮК

Это мое дело. Кого хочу, того кормлю. Мне надо удержаться в его команде. А с вами точно скоро сдохнешь: целый день на морозе без жратвы... Да и не улетите вы никуда, мало вас таких было, все через трубу на свободу ушли...

ДЕВЯТАЕВ

Иди-ка сюда...

СЕРДЮК

Ну, чего?

ДЕВЯТАЕВ

(берет Димку за ухо)

А вот чего, щенок...

СЕРДЮК

Пусти, больно.

ДЕВЯТАЕВ

(в сердцах)

Дурак ты, Димка, - близко больше ко мне не подходи. Чтоб я тебя больше не видел и не слышал.

Сердюк отходит на несколько метров и показывает Девятаеву фигу из маленьких грязных пальцев.

СЕРДЮК

Вот ты у меня еще картофана получишь!

ДЕВЯТАЕВ

Брысь!

Девятаев делает вид, что хочет поймать Димку, и тот мгновенно исчезает. Михаил садится на нары.

ДЕВЯТАЕВ

(беззвучно хохочет)

Силен бродяга!

ЭКСТ. У БАРАКА – ВЕЧЕР.

Девятаев стоит с Михаилом Емцем, его общим знакомым с Сердюком по Заксенхаузену.

ДЕВЯТАЕВ

Разговор есть...

Емец, крепкий, высокий, скуластый мужик с каким – то доверчивым, детским, взглядом, отвечает.

ЕМЕЦ

Разговор, это хорошо. Только у меня плохая новость...

ДЕВЯТАЕВ

Что такое?

ЕМЕЦ

Да Сердюка наш капо чуть не прикончил вчера. Час, наверное, колошматил. Че то они не поделили...

ДЕВЯТАЕВ

Бог шельму метит. Он как, совсем плохой?

ЕМЕЦ

Да, хорошего мало. Вчера один человек посмотрел его, специалист, говорит, выкарабкается. Но неделю мы его попрячем, пусть отлежится.

ДЕВЯТАЕВ

Ладно. Я вот что: переходи-ка ты к нам в бригаду. Есть у нас одна перспектива, потом расскажу, какая...

Девятаев смотрит ему в глаза. Емец понимает, что разговор непростой, иначе бы к нему не подошли.

ЕМЕЦ

А я что? Завтра и перейду.

ДЕВЯТАЕВ

Ладно, на утренней поверке вставай рядом. Договорились?

ЕМЕЦ

Сказал же – договорились.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Перед вечерней поверкой Михаил сидит на нарах, и вдруг на ум пришло, приплыло – своего рода «идея фикс»: плац лагеря, уже здешнего, комендант Вилли бежит по

плацу, а он, на «Хейнкеле», на бреющем, над лагерем, ловит бегущего в крест прицела, остервенело жмет на гашетку...

И он счастливо улыбается, сам того не замечая.

Его улыбку замечает Костя – морячек, лагерный стукач, провокатор, немецкая шестерка, подстилка Эрвина. Он сидит неподалеку, тоже, естественно, на нарах, и пристально смотрит на Девятаева.

Костя встает, идет в каптерку Эрвина

КОСТЯ

Господин Эрвин, тут у меня сомнения появились
на счет одного заключенного...

ЭРВИН

Кто такой?

КОСТЯ

Степан Никитенко. Все время шепчется с кем
попало, да все по углам, по углам.

ЭРВИН

Что-нибудь конкретное?

КОСТЯ

Да нет, к сожалению. Но шкурой чувствую: что-то
здесь не то, господин блоковой.

ЭРВИН

Ладно, позови-ка мне его капо. А охранников я
попрошу, чтобы обратили внимание.

КОСТЯ

Да, пусть они его немножко попрессуют. Лишним не
будет.

ЭРВИН

Гут. Иди.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Бригада перетаскивает ивовые маты для маскировки самолетов. Михаил чуть замешкался, немного отстал: сбивает налипший толстым слоем снег с подошв деревянных колодок. И мат попался нестандартный, тяжеленный. У него подворачивается нога, Девятаев падает. Тут же подбегает конвоир и начинает что-то орать. Девятаев пробует подняться, но, видно, подвернул ногу. Конвоир пинает его и бьет прикладом. Подбежали товарищи, но солдат отогнал их, продолжает избивать.

Что-то вспыхнуло ярким светом, помутило разум. Михаил нащупал в кармане нож. В это время конвоир тычет его штыком в бок. Еще мгновение, и он прыгнет на него, несмотря на боль в ноге.

Товарищи это поняли. **Первым подбежал земляк, Фатых. Он** тащит его, несмотря на ругань и сыпавшиеся уже на **него** удары.

ФАТЫХ

Ну ты горяч, так и себя погубишь, и все наши планы сорвешь. **Терпи земляк. Мы же торбеевские. Помнишь, я тебе в школе навалял, так ты и не пикнул...**

ДЕВЯТАЕВ(улыбается сквозь боль)

Да это я тебе навалял...

Ивовые маты, свой и Михаила, продолжает тащить Петя Кутергин – силач, высокий широкоплечий сибиряк.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Цены ему нет. Именно такая силища и нужна нам. Ведь почти все доходяги, а еще неизвестно, как-то оно все повернется...

ИНТ. КВАРТИРА – ДЕНЬ.

После пещеры в скале трехкомнатная квартира в жилом доме военного городка Узедом показалась Гельмуту с друзьями просто раем. Они опять втроем: Курт, Хейнц и Гельмут.

Хейнц засел в теплом туалете и уже час не выходит.

Дорвался. Гельмут блаженно растянулся на пружинной кровати.

ГЕЛЬМУТ

Хейнц, вы что там, заснули?

ХЕЙНЦ

Я не сплю.

ГЕЛЬМУТ

Что же вы так долго?

ХЕЙНЦ

Я читаю. Книга осталась от прежних хозяев...

ГЕЛЬМУТ

Вы читаете?! Позвольте узнать что?

ХЕЙНЦ

Только не падайте со стула. Я читаю «Майн кампф».

ГЕЛЬМУТ

Хм. «Моя борьба»... Актуально, а что, раньше вам эта книга не попадалась?...

ХЕЙНЦ

Бог спас.

Он выходит из туалета с томиком, показывает его Гельмуту, и говорит:

ХЕЙНЦ

Скоро она понадобится всей Германии...

ГЕЛЬМУТ

Гельмут молча смотрит на него. Хейнц объясняет.

ХЕЙНЦ

Фюрер не жалел, видимо, на свое издание хорошей бумаги. Ну, или эта хромая обезьяна, Геббельс. И напечатали этой галиматии великое множество. Как говорят русские, до хрена...
Кстати, что это такое – хрен?

ГЕЛЬМУТ

Не знаю. Но почему, по вашему, она сейчас понадобится всей Германии?

ХЕЙНЦ

Гельмут, вы меня не слышите. Я же говорю – бумага хорошая. А в Германии скоро все исчезнет, в том числе и бумага из сортиров. Вот и пригодится его «борьба».

ГЕЛЬМУТ

Нет, Хейнц, вы своей смертью не умрете. Вас будит судить военно-полевой суд, как провокатора, и присудит...

ХЕЙНЦ

Я не провокатор. Я реалист. За это нельзя судить. Я неподсуден...

Шутливую перепалку прерывает стук в дверь. Гельмут идет открывать. На пороге стоит Курт. Рядом – Вилли. Он все так же щегольски одет, шинель туго обтягивает его плотную фигуру.

КУРТ

Вот, друзья, земляка встретил. Прошу: Вилли, мой одноклассник.

Хейнц бросается на кухню, выставляет на стол спиртное. Шнапс, ром, шампанское... Они выпивают за знакомство, и Хейнц, совершенно обалдевший от цивилизованного сортира, продолжает тему.

ХЕЙНЦ

Это великая вещь, сортир в квартире. Только сейчас до меня это дошло. Вот, Вилли, видите, шампанское. Однажды оно меня чуть не погубило. В Крыму было много шампанского. В Крыму вообще много чего было, но особенно – русских бомбардировщиков и шампанского. И они нас постоянно пытались погубить...

ВИЛЛИ

Ну, с русскими, понятно. А шампанское-то как вас чуть не погубило? Количеством?

ХЕЙНЦ

Вот. Сразу видно, что вы служите на земле. Кстати, в каком роде войск?

ВИЛЛИ

Я охраняю местный лагерь для военнопленных. Да, на земле, но, тоже, я вам скажу, служба не сахар.

ХЕЙНЦ

Верю, верю. Так вот, насчет шампанского. Правильно: количеством. Но, главное, качеством. У нашего хозяина бутылками с этим напитком целый подвал забит был. И ведь он нас предупреждал : господа, шампанское еще не выстояло свой срок, надо подождать. А как тут подождешь, если Иван прет как сумасшедший, того и гляди, с места снимет... Мы решили, будь, что будет, попробовали, вроде хороший напиток, во всяком случае, голову туманит...

ГЕЛЬМУТ

Только одной головой здесь не обошлось.

ХЕЙНЦ

Верно, Гельмут. Ну, мы – то ведь все помним этот кошмар.

ВИЛЛИ

Какой кошмар? Не томите, Хейнц.

ХЕЙНЦ

А такой кошмар, что в бою нас всех пробрал понос от этой амброзии. И куда деваться? Не выходить же из боя, русские бы нас не поняли... В общем, кошмар.

ВИЛЛИ

(хохоча)

Теперь понятно. Вы, конечно, расстреляли этого русского?

ХЕЙНЦ

Какого?

ВИЛЛИ

Ну, хозяина этой амброзии.

Летчики молчат. Замолк и Вилли. Но потом его понесло.

ВИЛЛИ

Ну понятно. Вы добрые, мы злые. Как в гестапо, игра в следователей. Все это я в свое время прошел. Только здесь мы не играем, у нас здесь все всерьез. Вот видите, мозоль?

Он показывает большую мозоль на указательном пальце правой руки.

ВИЛЛИ

Она от того, что в день приходится нажимать на курок пистолета по десять, по двадцать, а иногда, и по тридцать раз.

ГЕЛЬМУТ

И в кого же вы стреляете?

ВИЛЛИ

Как в кого? Да в этих свиней и стреляю.

ГЕЛЬМУТ

За что?

ВИЛЛИ

За то, что им не место на земле. Вот за что.
Представьте, такая служба. Представьте, я ей
горжусь. И не представляю, как я жить без нее
буду...

Летчики подавленно молчат. А Вилли не может остановиться.

ВИЛЛИ

Да мы что... У нас рутина, серые будни, скука
смертная, служба, словом... А вот на материке в
лагеря одна фрау ездит, Ильзе Кох. Ну, вам – то,
господа, эта фамилия, конечно, ничего не говорит.
Поясняю: это жена одного уважаемого в нашей
системе руководителя. Так вот она живьем с этих
ублюдков кожу сдирает. Налей еще шнапса, Курт.

КУРТ

Что ты несешь, Вилли?

ВИЛЛИ

Наливай, наливай. Ну нет, конечно, не она сама, и не
с живых. Просто, выбирает наиболее оригинальные
татуировки на теле унтерменшей, их убивают, и тут
же, с теплых, сдирают кожу с этими картинками. А
потом фрау выбирает, кто пойдет на сумочку, кто на
кошелек, кто на абажур... Тут самое главное, чтобы
труп был теплым. Прозит, друзья.

Гельмут пьет, и вдруг чувствует острый рвотный позыв. Он сгибается, прикрывает рот
рукой, бежит в сортир. Курт выходит за ним.

ВИЛЛИ

Это война, самое счастливое время нашего
поколения. Наливайте, Хейнц.

ХЕЙНЦ

Сам наливай!

ВИЛЛИ

Ну, сам, так сам...

Курт стоит за спиной Гельмута.

ГЕЛЬМУТ

Курт, ты кого привел?! Ты сидел с этой мразью за
одной партой?

КУРТ

Да кто же знал... Обыкновенный был мальчик, толстенький. Так это понятно, у отца была мясная лавка. Получал, когда за дело... Гельмут, но кто же знал, что они тут делают без нас...

ГЕЛЬМУТ

Учти, Курт. Сейчас я проблююсь и пристрелю его.

КУРТ

Да я бы и сам... Ладно, Гельмут. Побудь здесь, я сейчас все улажу.

ГЕЛЬМУТ

Постарайся, Курт. Иначе будет черт знает что, это я тебе обещаю.

Курт выходит в прихожую, открывает входную дверь и громко говорит.

КУРТ

Понятно, фельдфебель. Сейчас мы прибудем в штаб. Я понял, что срочно.

Он заходит в комнату, говорит, обращаясь к Вилли.

КУРТ

К сожалению...

Тут он спотыкается об взгляд Хейнца, и продолжает.

КУРТ

К счастью, тревога. Убирайся отсюда Вилли. У тебя две минуты, пока я найду парабеллум.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Девятаев и Володя Соколов на самолетной свалке. Девятаев показывает на хвост «хейнкеля».

ДЕВЯТАЕВ

Вот, смотри, это струбцины. Сразу, как уложим вахмана, каждый будет делать свое дело. У тебя много обязанностей, но эта – первая. Если, Володя, растеряешься, не уберешь эти красные штучки, не взлетим...

ВОЛОДЯ

Кто это растеряется? Я? Да ты Степа, думай, что говоришь...

ДЕВЯТАЕВ

(про себя, довольнo)

Теперь запомнит, - этого только так учить надо ...

Они убирают участок аэродрома, вахтман стоит в стороне.

ДЕВЯТАЕВ

Теперь мы уже не просто команда, мы теперь летный экипаж. И каждый должен знать, что ему делать, как «Отче наш». Иначе ничего не выйдет. Вот ты, Ваня ...

КУТЕРГИН

Ну, у него – то все проще пареной репы, вахтмана забить. Вань, давай лучше я это сделаю...

ДЕВЯТАЕВ

Кончайте шутки. Кстати, Петя, тебе поручено убрать непредвиденных фашистов. Этого мало, что ли?

КУТЕРГИН

Нормально...

ДЕВЯТАЕВ

Но лучше бы без этого. Без непредвиденных. Фашистов и ситуаций. Черт, ничего в этом лагере заранее точно не просчитаешь... **А потому...**

**ДЕВЯТАЕВ(смотрит на них,
взгляд задерживается на
Фатыхе)**

Ладно. Думаю, теперь можно. Короче, ребята, если со мной что случится, за старшего – Федя.

КОРЖ(обиженно)

Это почему? Потому что земляк твой?

ДЕВЯТАЕВ

Не поэтому. Потому что он летчик. И зовут его не Федя, а Фатых.

КОРЖ

Федя – летчик?!

ДЕВЯТАЕВ

Да.

КУТЕРГИН

Ну, братцы мои... Не было ни гроша, да
вдруг алтын. Че ж ты раньше молчал?

ФАТЫХ

Так откуда я знал, что вы в бега собираетесь?
Случайно же все получилось.

КУТЕРГИН

Ну да. Жалко, Федя, что ты не в нашей
штубе живешь.

ФАТЫХ

Ничего. Недолго осталось.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Михаил **медленно идет по чужому** бараку, его окликают. Он подходит к нарам, видит **Фатыха**. Тот весь в синяках и кровоподтеках.

ДЕВЯТАЕВ

Федя... Фатых, что с тобой?

ФАТЫХ

А ты ничего не знаешь? Дали «Десять дней жизни».
Сегодня уже третий. Бьют сволочи так, что,
наверное, сегодня сам повешусь. Все равно ведь на
десятый прикончат...

ДЕВЯТАЕВ

Так мы тебя третий день и ждем. Что
случилось, земляк?

ФАТЫХ

Не заметил блокового, Вилли Черного. Да мне
кажется, Костя – морячок это придумал. Он давно за
мною следит. Не было там, возле курилки, никакого
Вилли. Врет он. А что толку? Чувствую, браток,
внутри что-то оторвалось.

ДЕВЯТАЕВ

Держись, Фатых. Что-нибудь придумаем...

ФАТЫХ

Мишка, ты же сам знаешь, что ничего тут не придумаешь. Эту свору поганую уже ничем не остановишь. «Десять дней жизни», друг, тебе ли не знать...

Девятаев сидит рядом, молчит.

ФАТЫХ

Ты вот что, брат. Сделай одно дело. Больше – то некому. Когда домой вернешься, съезди в нашу деревню. Большой Шустрой, ну, ты помнишь. Найди маму, Галия Хасановна Лайшева она. Ну и расскажи Миша все. Нет, ну подробностей может и не надо... Прощай брат. Вон, идут, твари...

Уголовники, их четверо, подходят к Фатыху. Тот, преодолевая себя, встает. Со смехом Костя поворачивается к своему напарнику, немцу.

КОСЯ

Ну вот, видишь, самочувствие у него нормальное. Стоять может. А давай его на табуретку...

Они ставят его на корточки на табуретку.

КОСЯ

(ласково)

Терпи, терпи, парнишка, тебе еще целую неделю жить.

Фатых долго не выдерживает, кулем падает на земляной пол.

КОСЯ

Вставай!

Пинает его.

КОСЯ

На табуретку!

Но силы уже окончательно покинули Фатыха. Теперь он падает с табуретки сразу же. Стая наклоняется над ним, один уголовник сходил в каптерку капо, принес керосина. Они обливают руки Фатыха, подносят зажигалку – не горит. Тогда мочат в котелке бумагу, накладывают на руки, и они загораются. Как известно, боль от огня самая жесткая, непереносимая. Фатых сбивает пламя ладонями. Костя хохочет.

КОСЯ

Не нравится! Добавь ему!

И уголовник плещет на Фатыха полный котелок. Тот загорается, вертится огненным столбом, и вдруг бросается на хохочущих мучителей. Они разбегаются в разные стороны, но одного Фатых схватил и прижался к нему, вцепился мертвой хваткой, уже весь объятый пламенем. С минуту длится их страшный смертельный «танец». Мы слышим утробный вой «шестерки».

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – УТРО.

Погода «звенит», солнце, ветра почти нет. Команда пленных работает около «Юнкерсов». Среди них – два итальянца.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Лучшего случая, пожалуй, и не придумаешь...

Он взглядом дает команду своим.

ДЕВЯТАЕВ

Сейчас, сейчас...

Но, по обстановке.

ВАХТМАН

(лениво)

Арбайтен, арбайтен!

Они оттаскивают маскировочные маты от самолета, моторы самолета взрываются.

ВАХТМАН

Шнель, шнель...

Вахтман показывает рукой на чехлы от моторов и на открытую дверцу самолета.

ДЕВЯТАЕВ

Все!

Он хватается за чехол, второй, как назло, подхватил итальянец.

По одному они поднимаются по лестнице в самолет, Михаил сбрасывает чехол у самой дверцы кабины, она открыта, в нее виден летчик с огромной копной светлых волос, он полностью занят разогревом машины, и не обращает на них никакого внимания. Девятаев хватается за какую-то железяку, лежащую на ребристом полу, делает шаг в его сторону, в этот момент итальянец, вероятно, решивший, что у русского помутился разум, резко и сильно дергает его за ногу. Девятаев пулей летит из фюзеляжа, за ним спускается встревоженный итальянец.

ДЕВЯТАЕВ

Ничего, ничего. Все нормально!

Тот только пожимает плечами. «Юнкерс» начинает выруливать со стоянки.

ЭКСТ. У БАРАКА – ВЕЧЕР.

Идет проверка на вшей. За ней наблюдает сам Вилли Черный, один из главарей «второго состава» лагеря.

Все раздеваются догола, по очереди подходят к штубовому, который тщательно осматривает каждый шов. На этот раз в число вшивцев попадает знакомый нам итальянец.

Штубовой отсылает его в сравнительно небольшую группу вшивцев. После этого начинается «отмочка»: одежду складывают в большое корыто, которое наполняют холодной водой, на него сверху кладут владельца.

Первым - итальянец. Он лег, а штубовой направил на него шланг с ледяной струей. И южанин не выдержал, забился в судорогах, попытался дотянуться до шланга.

ШТУБОВОЙ

Ишь, нежный какой! Ну, что, не видите, человек замерз. Подогрейте его.

Шестерки схватили бедного «итальяно» за руки, за ноги, прислонили спиной к раскаленной печке – буржуйке. Тело его зашипело. Итальянец что-то гортанно закричал по-своему, сильно дернулся, сбил одного из мучителей с ног.

ЗЛОДЕЙ

Ах ты гад!

Итальянца перевернули, и теперь зашипела кожа на животе, и так держали, пока не затих.

ИНТ. КАБИНЕТ ВИЛЛИ – ВЕЧЕР.

ОФИЦЕР

Герр комендант... Мне кажется, в лагере зреет бунт.
А, впрочем, не только кажется. Сейчас я вам
представлю одного осведомителя...

Он выходит, потом заходит уже с Костей - морячком. Костя высокий, чернявый.

ВИЛЛИ

Юде?

ОФИЦЕР

Найн. Как вы могли подумать такое, герр комендант?!

ОФИЦЕР
(про себя)

Да и какая теперь разница, жирный ублюдок.

ВИЛЛИ

Прошу прощения. Меня ввела в заблуждение его внешность. Ну, и в чем состоят ваши сомнения?

ОФИЦЕР

Да, Костя, расскажи герру коменданту о своих наблюдениях.

КОСТЯ

Ну, точно-то я не могу утверждать. Но есть целые группы, которые ведут себя как-то по другому, не как прежде. Настроение у них хорошее, смеются, сволочи ...

ВИЛЛИ

Все это интуиция, не так ли? Конкретно что можете сказать?

КОСТЯ

К сожалению, герр комендант, конкретно пока ничего. Но постараюсь как-то вывести, спровоцировать их ...

ВИЛЛИ

Надо, Костя, надо все узнать. Надо говорить, что Россия – нехорошая страна. Бедная и грязная. А родина там, где пища, вино, женщины. И следите за реакцией, вычисляйте главаря.

КОСТЯ

Слушаюсь, герр комендант.

Они выходят. Офицер дает на улице Косте две пачки сигарет и шоколадку.

ОФИЦЕР

Это аванс. После результата получишь гораздо больше. А если не выполнишь задание... Сам знаешь, что с тобой будет.

ИНТ. БАРАК – ВЕЧЕР.

Девятаев, Соколов, Корж, Кутергин стоят в «своем» углу, в бараке. Продолжается «распределение ролей».

ДЕВЯТАЕВ

Володя, как ты насчет того, чтобы в полете
штурманом быть? Эх, Фатыха нет, столько у меня на
него надежд было. Летун он и есть летун...

ВОЛОДЯ

Степа, да я хоть чертом, ты только научи...

ДЕВЯТАЕВ

Ну, больно – то не научу, так, чтобы долететь только.

ВОЛОДЯ

(смеется)

Этого хватит!

ДЕВЯТАЕВ

А ты, Иван, будешь в полете отвечать за все. Обзор,
пулемет...

ИВАН

(серьезно)

Есть. За всю картину.

В другом углу, тоже, «своем», другая группа громко рассуждает о лагерной
сиюминутной жизни, о «калымных» делах. Солирует Костя – морячок.

КОСТЯ

Я у датчанина блок сигарет видел, «Честерфилд».
Делайте выводы, ребята.

УГОЛОВНИК

Обмен?

КОСТЯ

Если бы я был сейчас на Дерибасовской, то,
конечно, обмен. Но мы, ребята, даже не в Одессе...

УГОЛОВНИК

Понятно. Тогда покажем ему Копенгаген.

Компания громко хохочет.

В барак заходят двое, это Михаил Емец и Дима Сердюк. Они направляются в угол к Девятаеву.

ЕМЕЦ

Вот, блудный сын ...

СЕРДЮК

Ребята, простите. Бес попутал. Можно к вам вернуться, а?

ИВАН

Ну ты потише можешь? И чего возвращаться, если не веришь?

СЕРДЮК

Да верю я, верю. Мочи больше нет, капо бьет каждый день, проходу не дает. На вас одна надежда...

ИВАН

Пацан ты еще, Дима. Ладно, черт с ним, поверим? В последний раз?

ДЕВЯТАЕВ

Да, за версту несет: простите, дяденьки, я больше не буду, а у нас дело серьезное...

В это время к ним подходит Костя – морячок, и, вызываяще, громко, произносит.

КОСТЯ

Все о родине страдаете? По Колыме родной скучаете? А по мне, так все равно, кому служить. Были б денежки да девушки!

Девятаев – неожиданно даже для самого себя - рывком, молниеносно, так, что стоящие рядом и понять-то толком ничего не смогли, подскочил, ударил Костю в зубы. Костя полетел на пол.

УГОЛОВНИК

Смотри, шкет, а какого верзилу с катушек сбил!

Костя вскочил, и тут же получил еще один удар. Он упал на нары и начал громко материться. На шум сбежались охранники, офицер - окружили Михаила.

ОФИЦЕР

За что ты избил своего товарища?

Этот офицер - лагерный «кум». Он здесь главный. А рядом... Ганс. Ганс, помощник коменданта Вилли. Он пристально вглядывается в лицо Девятаева.

ДЕВЯТАЕВ

Он мне не товарищ. Он мразь.

ОФИЦЕР

Это почему же? Любопытно...

ДЕВЯТАЕВ

Ну а вы бы назвали товарищем немца, который Германию при вас начал поносить?

Офицер промолчал. Он сделал знак охраннику, тот начал бить Девятаева кнутом из бычьих жил по спине. После нескольких ударов Михаил падает.

ОФИЦЕР

Ауфштейн! Встать!

Офицер удовлетворенно наблюдает за продолжением избиения, потом спокойно говорит.

ОФИЦЕР

«Десять дней жизни» ему.

Немцы уходят.

Девятаев, избитый, лежит на нарах.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Узнал или не узнал? А, какая разница... Все равно конец. Если не сбежим...

ИНТ. КАНЦЕЛЯРИЯ – ДЕНЬ.

Ганс в канцелярии лагеря. Он спрашивает писаря.

ГАНС

Мне нужны все данные по заключенному № 1540.
Герр комендант интересуется.

ПИСАРЬ

Момент.

Писарь достает учетную карточку, подает ее Гансу. Тот читает, и говорит.

ГАНС

Какой учитель?! Это же летчик, он был у нас в Кляйнкенигсберге.

ПИСАРЬ

Ошибки быть не может. Все документы у нас в полном порядке. В нашем лагере нет летчиков. Слишком опасно.

ГАНС

Хорошо.

ИНТ. БАРАК – НОЧЬ.

Совершенно измученный Девятаев ходит по бараку, как сомнабула. Кутергин встает, укладывает его.

Он лежит, думает.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Прошло семь дней. Осталось три дня. Через три дня они меня забудут, как свинью. Как странно – вот я живой, думаю, чувствую, захочу – сейчас пойду покурю... А через три дня...

И, сквозь полубред - видение.

Танцы.

Он подходит к молодой девушке.

ДЕВЯТАЕВ

Разрешите?

Они танцуют.

Стоят у дома.

ФАЯ

Тебе когда на фронт?

ДЕВЯТАЕВ

Через неделю. А что?

ФАЯ

Ничего. Завтра пойдем к нам, с бабушкой познакомлю.

ДЕВЯТАЕВ

С бабушкой? А с мамой?

ФАЯ

Ну и с мамой, конечно. Но главный контролер – бабушка...

ДЕВЯТАЕВ

Контролер?

ФАЯ

Ну, если ты ей не понравишься, тогда уж и не знаю, что делать...

ДЕВЯТАЕВ

Фая. А если понравлюсь?!

ДЕВЯТАЕВ

Тогда тебе решать, но ты учти. Я еще никогда и никого насчет бабушки не предупреждала...

ДЕВЯТАЕВ

Я оценил...

Звучит закадровый женский голос.

ГОЛОС ФАИ

Я тебе вот что хочу сказать, мой любимый и единственный.

Ты, Мишка, бей их там, бей, и ни о чем не думай.

Потому что моя проблема по сравнению с тем, что ты делаешь – тьфу, пустяк, ерунда. Я справлюсь, не сомневайся, рожу здорового ребенка. А ты их бей – вот и все, родной.

Крепко тебя целуем и обнимаем – мы.

ЭКСТ. У БАРАКА – УТРО.

Девятаев смотрит в небо – там солнце, ясно. Туман ушел.

ДЕВЯТАЕВ

Прояснило! Ну нет. Хрен вам всем, ребята.

Так просто я уже не полечу ...

Он идет огибает барак, подходит к довольно широкому растреснувшей канализационной трубе. Она заброшена, изнутри ее, под надзором немцев, давно залили бетоном. Только вот полметра, в конце, бетон там раскрошился, и они, эти полметра, представляют собой небольшую нишу. Михаил осматривает ее, потом

удовлетворенно кивает головой. Отходит метров двадцать, сдвигает камень, достает огромную стальную гайку. Это настоящий кастет. Михаил прячет его на себе, присаживается на этот камень. Время еще есть, подъема пока не было...

ДЕВЯТАЕВ

Сейчас, Фая, сейчас. Я сейчас. Ты подожди, подожди. Я сейчас, татарчонок, сейчас ненаглядный...

Он встает и идет в барак к Ивану Коржу.

ИВАН

Ты совсем спятил? Ведь убить могут! Сейчас самое опасное время, а ты шастаешь из барака в барак.

ДЕВЯТАЕВ

Вань, ты погляди, погода летная. Сегодня улетим. Это я не чую, это я точно знаю. Но сначала достань мне покурить...

ИВАН

Да где ж я сейчас, в такую рань, достану?!

ДЕВЯТАЕВ

Вань, где хочешь. Снимай свитер, иди к французам, неси курево. Быстрее, Вань, быстрее...

ИВАН

Да ведь сдохну от холода без свитера...

ДЕВЯТАЕВ

Не успеешь - от холода... Ладно, шучу. Сегодня дома будем, на хрен он тебе сдался там... Иди, Вань, иди.

Корж уходит, возвращается с сигаретами. Михаил лихорадочно закуривает, с наслаждением затягивается. Видно, что опьянел от сигареты. Будто не табак, а травку курил.

ДЕВЯТАЕВ

Ну, Вань, я пошел. До встречи на построении.

ИВАН

Осторожней, Миша.

ДЕВЯТАЕВ

Хорошо. Ты прав. Буду осторожен.

Девятаев выходит из штурба Коржа, идет к своему барaku.

ДЕВЯТАЕВ(про себя)

Черт, как бы его вытащить на улицу...

Вдруг видит идущего Костю – морячка.

Девятаев радостно пошел ему навстречу.

Морячок насторожился – каким бы ни был «повернутым» этот тип, сейчас он должен его бояться. Хотя бы инстинктивно.

Они останавливаются друг против друга, какое-то мгновение молчат.

КОСЯ

Ты где шляешься? Думаешь уйти от нас? Не уйдешь...

ДЕВЯТАЕВ

Подожди. Есть серьезный разговор.

КОСЯ

Серьезный разговор? Ну, валяй, разговаривай, пока еще жив...

ДЕВЯТАЕВ

Вот об этом-то и речь. Короче, если оставите меня в живых, уговорите начальство, сдам вам руководителей заговора... Ты ведь знаешь, что в лагере заговор?

КОСЯ

Я все знаю! А чем докажешь, что не пустышку нам суешь? Чтоб время потянуть...

ДЕВЯТАЕВ

- Докажу. Прямо сейчас. Пойдем, покажу тайник, у них там два парабеллума, ножи...

КОСЯ

Пошли.

Они идут, подходят к раструбу канализационной трубы.

ДЕВЯТАЕВ

Там он, тайник, в бетоне закладка, внизу...

КОСЯ

Ну ты показывай...

ДЕВЯТАЕВ

Да не могу я наклоняться, вы же мне все позвонки изуродовали... Вот здесь, вот, видишь, в бетоне трещина... Надо убрать крышку...

КОСТЯ

Эту что-ли?

Наконец наклоняется к полу морячок.

ДЕВЯТАЕВ

Эту!

Говорит Михаил и бьет его кастетом по затылку. Видно, вложил в удар всю оставшуюся силу, морячок сразу падает на землю, как сноп. Но Девятаев продолжает бить в одно и то же место, пока не видит кровь на своей одежде. Только это его останавливает. Он переворачивает морячка, щупает сонную артерию... Тот мертв.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – УТРО.

Над морем небольшие кучевые облака, но, в основном, горизонт чист, солнце светит ослепительно ярко.

Узники засыпают воронки за границей аэродрома. «Хейнкель-111», «их самолет», в пределах видимости, - стоит недалеко. У «Хейнкеля» есть именной вензель: «ГА», Густав Антон. Девятаев наблюдает, как немцы прогревают моторы «Хейнкеля».

ДЕВЯТАЕВ

Пора начинать!

ВОЛОДЯ

Степа, да ты погляди, как мы далеко от самолетов. Сегодня не получится...

ДЕВЯТАЕВ

Степа, говоришь. Да нет, Володя, улетим мы сегодня. Я утром Костю – морячка убил, так что вечером такое начнется...

ВОЛОДЯ

(бледнеет)

Шутишь?!

ДЕВЯТАЕВ

Ты посмотри на меня...

После этого Соколов идет к конвоиру, что-то объясняет ему, показывая в сторону самолетов, затем они строятся. Команда направляется к «своему» самолету. Когда

уже почти подходят, раздаётся звонок на обед. Немцы группами, бросив все, повалили с аэродрома. Лучшего момента уже не будет. Но к самому «Хейнкелю» они так и не подошли. Не доходя до ангара метров двадцать – тридцать, конвоир показывает на ближайший капонир.

ВОЛОДЯ
Здесь будем работать!

ВОЛОДЯ
(шепотом)
Что – то он, кажется, почувал...

ДЕВЯТАЕВ
Да теперь уже без разницы. Начинаем...

Немец закурил, бросил зажигалку Соколову: «Фойер махен»! Костер запылал, фашист стал греться, немного отвлекся от них.

Соколов залез на земляной вал капонира, якобы, посмотреть, не везут ли обед, дал знак – вблизи никого.

Девятаев моргает Коржу, который ближе всех к вахтману: «Действуй!»

Корж, вытащив из-за пазухи железную клюшку, подходит к конвоиру сзади. Тот оглянулся, взмахнул руками, Корж прыгнул, ударил, попал в висок.

Немец свалился замертво. Но Иван, как недавно Михаил, не может остановиться. Он продолжает рубить мертвого фрица.

КУТЕРГИН
Хорош!

Половина команды, которая ничего не знала о их планах, в ужасе.

КТО-ТО
Мужики, вы белены объелись!? Нас же сейчас точно так же порубят...

ВОЛОДЯ
Спокойно. Миша летчик. Сейчас садимся в этот «хейнкель» и летим домой.

Кутергин надевает шинель немца, берет карабин, фуражку, документы, часы, табак. Люди приходят в себя и начинают четко исполнять команды. Да и нет у них другого выхода. Труп зарывают в снег. Потом команда строем, под «надзором» Кутергина, подходит к самолету, около которого ни души. У немцев ведь только что прозвучал самый разлюбленный душе сигнал - на обед.

Но тут уж Михаил не выдержал. Он выбежал из строя и с разбегу рванул ручку дверцы. Увы – она закрыта на замок. Он ищет стремянку, лестницу, чтобы залезть в кабину через фонарь. Но их нет.

ДЕВЯТАЕВ
(Соколову)

Слушай, подставь руки, я на плоскость залезу!

Ничего не выходит – Девятаев скользит, на крыло вскарабкаться не может. Михаил опять бежит к дверце, пробивает дюраль какой-то железякой, просовывает внутрь руку, и, наконец, открывает дверь. Сразу в кабину, нажимает на две кнопки с надписью «батарея» и ... ничего. Тишина. По проводам находит аккумуляторный ящик, отбрасывает крышку – он пуст. Михаил медленно и обреченно садится на пол. В общем, похоже на конец. Конец побега, который почти и не начался. Он, качаясь, доходит до дверцы, кричит

ДЕВЯТАЕВ

Аккумуляторов нет! Ищите их, ребята. Где-то рядом должна быть тележка!

Через две – три минуты Корж и Соколов катят тележку. Это вспомогательный аккумулятор для запуска моторов. Девятаев, уже похоронивший и себя, и друзей, встречает их как с того света.

Он отдувается: «Уфф», и быстро подключает аккумулятор к бортовой сети. Сразу запрыгали стрелки приборов по циферблатам.

Девятаев – еще раз «Уфф!», но уже радостно, - быстро сбрасывает с себя верхнее тряпье, кидает его в парашютное гнездо, остается в полосатой курточке и таких же штанах. Ему жарко, на лбу блестит пот.

ДЕВЯТАЕВ

Расчехляй моторы!

КОРЖ

Готово!

Корж делает все четко и последовательно, как учил Девятаев: вытащил колодки из под колес шасси, Соколов снял струбцины с элеронов и рулей. Все остальные молча наблюдают за ними. Они внутренне собрались, каждый чувствует: сейчас он уйдет или в нормальную жизнь, или в могилу.

Михаил нажимает на стартер. Взревел левый мотор. Порядок.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Ты поспокойней, Михаил, сосредоточься. Еще раз все проверь!

Это помогает. Он вдруг почувствовал, что возвращаются старые инстинкты, заложенные еще в казанском аэроклубе. Он сидит, наблюдает за приборами, прислушивается к звукам моторов.

Все остальные прячутся в фюзеляже. Он плавно подает газ – машина трогается.

Придержал тормоз – остановилась. Порядок.

А в голове, параллельно с сиюминутным, с показаниями приборов, проносится: «Господи! Ты уже помог мне. Помоги еще! Очень надо». И еще...

ДЕВЯТАЕВ.

А ведь за всю войну ни разу ни о чем его не просил...

«Хейнкель» пробежал несколько десятков метров к середине аэродрома. Отсюда все видно, во все стороны. Но и они, как на ладони. Может броситься в глаза полосатая куртка. Но нужно взлетать, другого-то выхода нет. Он вдавливая себя в сиденье, насколько это возможно.

Самолеты садятся один за другим: «хейнкели», «юнкерсы», «мессершмиты». Чтобы дожидаться свободной полосы и не привлечь внимания, он гонит самолет к ангару - возвращается.

Женщина в черном комбинезоне стоит на старте и, поднимая флажок, принимает вернувшиеся с фронта самолеты. На него она пока не обращает внимания. Около нее телефон – прямая связь с дежурным по аэродрому. Эта прямая связь – прямая опасность.

И все же она их заметила, замахала руками, что-то закричала. Потом начала стрелять из ракетницы – это какие –то сигналы. То ли она разрешала, то ли запрещала взлет... Но его это не интересовало.

Он доводит обороты до полной мощности. Самолет как бы «вытянулся» вперед, но тормоза удерживают его на месте, а ручка управления, до отказа взятая на себя, не дает ему скапотировать. «Хейнкель» дрожит, как породистый скакун на старте. Не уменьшая газа, плавно отпускает тормоза. Машина рванулась вперед, по бетонной дорожке, постепенно набирая скорость. Он берет штурвал на себя, должен быть отрыв от земли, но его нет. Бег стремительно ускоряется, а отрыва нет.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Что за черт?!

Он чувствует по мере нарастания скорости и пробега какое-то повышенное, ненормальное давление на ручку управления самолетом. Он изо всех сил давит на штурвал, но тот возвращается, и сам начинает давить ему на грудь. Моторы режут до отказа, а самолет всего лишь бежит по полосе. И взлетать упорно не хочет.

ВОЛОДЯ
Мишка в чем дело?

Он машет головой: «Отстаньте. Сам не пойму!». Нажимает на штурвал всем телом, сильно упирается ногами в педали, «врастает» в самолет – все без толку. «Хейнкель» отделяется от земли то правым, то левым колесом шасси, потом подпрыгивает в воздух, и тут же вновь падает на землю – нет подъемной тяги. Взлетная дорожка кончается.

ДЕВЯТАЕВ
Братцы! Однова живем. Держитесь!

Братцы стоят, смотрят на него дикими глазами. Еще немного, и может начаться паника...

Он сильно жмет на тормоза, метрах в двадцати от моря. Машина круто разворачивается, чуть не скапотировав. По инерции самолет движется с бешеной скоростью на трех точках. Еще миг – и они окажутся в воде. Опять жмет на тормоза, опять угроза скапотировать... Что делать?!

Инстинктивно он сильно нажал на левую педаль тормоза и увеличил обороты правого мотора. Даже не думал - руки и ноги сами сработали.

Словно в смерче самолет у самого обрыва сделал такой разворот, что правое крыло коснулось земли, а левое колесо шасси поднялось вверх. Машина покачалось на двух точках – правого колеса и костыля – и ... медленно опустилась на левое колесо. С сильным треском «Хейнкель» принял нормальное положение.

ДЕВЯТАЕВ

(про себя)

Неужели шасси обломились?

Замелькало все в глазах. Он осмотрелся: самолет стоял на своих «ногах» в двух шагах от моря.

ДЕВЯТАЕВ

Володя, твою мать, ты трубкины все убрал?

ВОЛОДЯ

Конечно, все.

ДЕВЯТАЕВ

Посмотри, посмотри еще раз!

Соколов на мгновение выскакивает из самолета, бежит к хвосту, возвращается.

ВОЛОДЯ

Нет там никаких трубок! Взлетай на хрен! Немцы!

Он еще раньше боковым зрением зафиксировал, что гитлеровцы с зенитных батарей, из капониров, толпами стоят и глядят на них. Впрочем, было бы удивительно, если бы на аэродроме не заметили странные эволюции личного самолета командира – «Густава Антона».

ЭСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

Гельмут и Хейнц как всегда в свободном поиске в небе. Внизу море, вверх слепит солнце. Они расходятся, но буквально через пять минут Хейнц передает.

ХЕЙНЦ

Шесть второй, вижу противника, Ил-2, восемь самолетов, нет, девять... Готовлюсь к атаке. Поддержите.

Еще через минуту Гельмут уже видит эту группу, а в следующую секунду – самолет Хейнца, пикирующего на них сверху.

Что-то он не рассчитал, и бортовой стрелок самолета, на который он нацелился, поймал его в перекрестье.

Хейнц задымился, моментально отвалил влево, начал уходить. Но никто его, судя по всему, ни догонять, ни добивать, не собирался. Ил-2 продолжали лететь в строю, девятый самолет летел почему-то отдельно.

ГЕЛЬМУТ

Шесть третий, Хейнц, что у Вас?

ХЕЙНЦ

Шесть второй, Гельмут, пробил маслобак. Иду домой.

ГЕЛЬМУТ

Шесть третий, все в порядке, не забывайте поддерживать температурный режим. А я еще догоню этих ребят...

Хейнц не посчитал нужным сказать, что пуля, пробив маслобак, на излете попала ему в грудь.

ИНТ. САМОЛЕТ – ДЕНЬ.

ИВАН

Миша! Взлетай, пропадем ведь!

Немцы уже добежали до «Густова Антона», полукругом окружили самолет. Девятаев дождался их, дал полный газ, отпустил тормоза. Огромный бомбардировщик на большой скорости врезался в толпу, давя гитлеровцев колесами.

ИВАН

Дави гадов! Дави сволочей!

Михаил вернулся в отправную точку, сделала осторожный разворот.

ДЕВЯТАЕВ

Если сейчас не взлечу, направлю «хейнкель» вон на те «дорнье». Все равно в третий раз они нам разбежаться уже не дадут.

И снова «хенйкель» несется по бетонной дорожке к морю. Рядом с Михаилом Соколов, Корж и Кутергин. Но машина ведет себя точно так же, как в первом «заходе», и он ничего не может поделать со штурвалом.

ДЕВЯТАЕВ

Ребята! Отжимайте его!

Корж с Кутергиным усердно начали отжимать, и он почувствовал, всем телом, – узнаваемый характерный толчок, хвост оторвался от земли, нос пригнуло к земле, а потом фюзеляж принял горизонтальное положение. Скорость заметно возросла, земля покрылась сплошными линиями. Четыре удара колес о цементную дорожку. Наконец, более плавный, последний толчок – полный отрыв от земли. Мелькнул внизу обрывистый берег и быстро исчез. Они летели.

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Аэродром похож на растревоженный улей. Все мечутся, бегут куда-то, что-то кричат.

НАЧАЛЬНИК ПВО

(по телефону)

Кто это у тебя взлетел, будто петух с шеста спрыгнул?

ГРАУДЕНЦ

Не понял вас.

НАЧАЛЬНИК ПВО

Я наблюдал в бинокль – кое – как взлетел твой «Густав Антон».

ГРАУДЕНЦ

Заведите себе бинокль посильнее! Мой «Густав Антон» стоит с зачехленными моторами. Взлететь на нем могу только я. Может быть, на нашей базе появились самолеты, которые могут летать без пилотов?

НАЧАЛЬНИК ПВО

Вы поглядите-ка лучше, на месте ли «Густав Антон». Если на месте, то с меня дюжина пива...

Встревоженный Грауденц прыгнул в «виллис», открытую машинешку, и через две минуты был на стоянке своего самолета. Чехлы от моторов и тележку с аккумулятором – вот все, что увидел оцепеневший ас.

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА В ЭФИРЕ

Всем! Всем! Найти, догнать, сбить «Густава Антона»!

ИНТ. КАБИНЕТ ВИЛЛИ – ДЕНЬ.

Ганс заходит в кабинет Вилли.

ГАНС
Разрешите, герр оберст.

ВИЛЛИ
Да, Ганс.

ГАНС
Герр оберст, несколько дней назад я увидел в бараке заключенного, № 1540. Так вот он как две капли воды похож на того летчика, который устроил подкоп в Кляйнкенигсберге. Помните?

ВИЛЛИ
Еще бы. Конечно, помню. Но в этом лагере не должно быть летчиков, Ганс. Как он сюда попал?

ГАНС
Да в том – то и дело, что по картотеке он значится как... - Ганс смотрит на бумажку... - как учитель Никитенко. Но уж очень сильно похож...

Раздается телефонный звонок. Вилли снимает трубку, слушает, багровеет.

ВИЛЛИ
Угнали «хейнкель» Грауденца? Да вы с ума сошли. Сейчас буду.

Он кладет трубку и спрашивает Ганса.

ВИЛЛИ
Учитель?! № 1540? Сильно похож, Ганс? Как две капли воды?

ЭКСТ. АЭРОДРОМ – ДЕНЬ.

Хейнц без сознания. Его самолет несется по дорожке, потом его потянуло влево, он подпрыгнул, пропахал метров сорок, и влетел на стартовую площадку ФАУ-2, которую только что подготовили для Лондона. «Мессершмит» на полном ходу врывается в реактивный снаряд, колоссальный взрыв. Грауденц, возвращавшийся в штаб, вылетел из кабины – смело воздушной волной.

ИНТ. В САМОЛЕТЕ – ДЕНЬ.

«Экипаж» ликовал, бил чечетку, пытался что-то петь перекрикивая моторы. Сразу после взлета штурвал начал быстро переходить в положение резкого набора высоты, самостоятельно.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)

Скоро в штопор свалимся...

ДЕВЯТАЕВ
Братцы, отжимайте ручку! Зачем отпустили...

На борту вмиг наступила тишина. Корж с Кутергиным бросились к пилоту, и с такой силой отжали штурвал, что самолет, описав дугу сверху вниз, перешел почти в отвесное пикирование. Все обезумели, увидев, как стремительно приближается вода... Вот – вот они нырнут в море.

ДЕВЯТАЕВ
(орет)
Сдурели! Чуть потише!

Друзья отпустили ручку и стали лишь придерживать ее.

ДЕВЯТАЕВ
(кивает)
Хорошо.

Самолет выровнялся, принял горизонтальное положение почти у самой воды, чуть не коснувшись волн колесам. Михаил начал плавно набирать высоту, подавая им знаки – где отжать, где отпустить. И, наконец, поднявшись на двести метров, они полетели уже более или менее спокойно.

Михаил шарит вокруг, ощупывает рычаги управления. Справа от сиденья рука наткнулась на какое – то маленькое колесико. Он поворачивает его несколько раз по ходу самолета и сразу чувствует резкое уменьшение нагрузки на руки. Самолет плавно изменяет направление по отношению к земле. Это штурвал триммера руля глубины, который до сих пор был поставлен «на посадку». Вот почему не взлетал самолет!

ДЕВЯТАЕВ
Все ребята. Отбой. Больше мне ваша помощь не нужна.

ДЕВЯТАЕВ
(про себя)
Иди домой, Фая. Я скоро буду!

ВОЛОДЯ

Михаил! Самолет!

ЭКСТ. В НЕБЕ – ДЕНЬ.

Гельмут быстро догоняет Илы-2, которые продолжали безмятежно лететь на запад. Один из них - все так же чуть в стороне. Гельмут, не теряя ни секунды, зашел на него от солнца, и открыл огонь прежде, чем они вообще его увидели. Самолет вспыхнул и развалился на куски.

Гельмут уходит в сторону.

ГОЛОС ГЕЛЬМУТА

О справедливейшая из справедливых!

Нет, не то. Не то, Марта, настроение.

Паршиво что – на душе, родная. Решил поговорить. Мне помогает. Ты помогаешь, родная.

Я тут как – то болтал с друзьями о всяких глупостях. И вот вспомнил... Хотя, Марта, я об этом никогда не забывал. Историю одну.

Короче, посадил меня русский на осеннее поле. Переиграл. Ну, я тогда еще не так дрался, как сейчас. Но дело не в этом.

Он имел полную возможность расстрелять меня тогда. На этом поле. Но почему – то не стал. Улетел. Почему? Все это время я ломаю голову, а ответа нет.

Летчик тот пропал. Я искал его, я бы узнал его... Хотя, спрашивается, зачем искал? И сам, Марта, не знаю. Нет, не встречались больше. Хотя, война еще идет, чем черт не шутит...

ГОЛОС ПО РАЦИИ.

Всем, находящимся в воздухе в радиусе аэродрома Пенемюнде! Срочно найти и сбить бомбардировщик «Густав Антон». Повторяю...

ГЕЛЬМУТ

...пока Бог спит. Что там у них случилось?

В следующий момент он увидел «Густава Антона», набирающего высоту. Заинтригованный Гельмут подошел к нему сбоку и глазам своим не поверил - за штурвалом самолета бравого Грауденца сидел какой – то тип в полосатой куртке заключенного.

Гельмут быстро пристроился в хвост «хейнкелю»...

Камера крупно показывает его палец, застывший на гашетке... Проходит мгновение – трассера нет.

«Ме – 109» свечкой уходит вверх, а «хейнкель» благополучно скрывается в облаках.

ГЕЛЬМУТ

(ошарашено)

Ну их к дьяволу... Не буду я играть в эти игры... Пусть

сами разбираются. Я

прав, Марта?

Он предусмотрительно расстреливает весь боезапас в воздух, садится.

ИНТ. В ШТАБЕ – ДЕНЬ.

Гельмут у окна. Справа еще не до конца осел столб дыма от недавнего взрыва.

КУРТ

Это был Хейнц...

Гельмут выходит, садится на лавочку, закуривает. Мы видим его серое, безмерно постаревшее, лицо – уставшее от всего. Волосы растрепаны. Он плачет. Молодой бог. Впереди Голгофа.

ИНТ. В САМОЛЕТЕ – ДЕНЬ.

В самолете темно, как будто ночь настала. Начинается «слепой» полет в сплошных облаках. Все притихли. Только гул мотора.

Михаил внимательно следит за приборами, стараясь вести машину как можно осторожнее, но слабые, дрожащие руки плохо справляются с этой задачей. Вот вошли в скольжение...

Вдруг стало светло. Самолет кренит на левую плоскость. Сосредоточившись, он восстанавливает нормальный режим полета. Что-то шепчет про себя, опять уходит в облака – боится истребителей.

Второй, третий раз выходят из облаков, и, в конце концов, чуть не врезаются в огромную волну. Михаил принимает решение – лететь по нижней кромке облаков.

«Хейнкель» то входит в гребень облака, то вновь перед ними буруны Балтики.

Облачность становится все плотнее, ниже, они летят над самой водой.

ДЕВЯТАЕВ

Надо пробить облачность. А иначе так и так смерть!

Самолет начинает набирать высоту. Стало еще темнее. Самолет, метр за метром, поднимается в небо, а им кажется – сейчас врежутся в воду.

ВОЛОДЯ

Ох, Мишка...

ДЕВЯТАЕВ
(бормочет)

Что Мишка, что Мишка... Причем здесь Мишка...

Облако становится все плотнее. Вокруг сплошная ночь. Вдруг, как из глубины колодца - открыли крышку - на миг блеснул свет, и снова наступила темнота. Закрыли крышку.

ДЕВЯТАЕВ
Есть!

ВОЛОДЯ
Что есть?

ДЕВЯТАЕВ
Все есть. Все нормально, мужики. Сейчас...

И в эту секунду солнце ударило в глаза. Все отворачиваются друг от друга, вытирают мокрые щеки.

ДЕВЯТАЕВ
Ищите карту, должна она быть в кабине.

Достали карту – но Западной, а не Восточной, Европы.

ДЕВЯТАЕВ
Ладно. Буду ориентироваться по солнцу. Куда-нибудь, да прилетим.

Внизу на море - караван фашистских судов. Сопровождавшие их истребители заметили «Густава Антона». Пролетели над ним. Три «мессера» прошли довольно высоко, покачали крыльями, и вернулись к морскому конвою. Михаил вытирает крупный пот со лба. А «экипаж» «достает» Диму Сердюка.

ИВАН
Что, Дима, не верилось? Вот и жрал бы сейчас сырую картошку из под палки капо...

ВОЛОДЯ
А чего это мы его везем домой? Давайте высадим и отправим обратно пешком...

Говорящие улыбаются.

СЕРДЮК
(чуть не плачет)

Я такой же мученик, как и вы...

ВОЛОДЯ

Да больно хитрожопый ты мученик...

Дима потерянно молчит.

ДЕВЯТАЕВ

Оставьте его в покое, - кто старое помянет... По глупости это он, я Димку с Заксенхаузена знаю. Ничего, он еще повоюет.

ВОЛОДЯ

Хорошо сказал,- кто старое помянет... Дай-то Бог.

Вдали показался берег. Пересекают какой-то залив и летят над землей. Впереди линия фронта: видны сполохи от взрывов, время от времени взлетают ракеты. И тут слева выныривает «фокке-вульф». Летчик, летевший со стороны линии фронта, жутко удивлен: что это за «хейнкель» ковыляет в сторону русских с выпущенными шасси?

ВОЛОДЯ

Михаил, снимай полосатик. Увидит – собьет...

Михаил быстро снимает куртку.

ИВАН

Штаны тоже. Вдруг заметит...

ДЕВЯТАЕВ

Да вы что, братцы?!

ВОЛОДЯ

Снимай, тебе говорят... От греха подальше.

«Фоккер» поднимается над ними, пилот заглядывает в кабину. Видит Девятаева, который сидит в кресле, в чем мать родила. В это время вокруг машин появляются разрывы от снарядов зениток: они наконец-то долетели до фронта. Зенитчики засекли вражеские самолеты, пытаются сбить. Совершенно обалдевший пилот «фокке – вульфа» тут же повернул обратно. Белые дымки рвущихся снарядов вспыхивают вокруг «Густава Антона». Осколки стучат по кабине, фюзеляжу, крыльям. Потом – сильный толчок. За спиной у Девятаев кричат члены «экипажа».

ГОЛОСА

В правом крыле пробило дырку!
Меня зацепило!

Миша, садись на хрен, а то свои собьют!!!

Внизу постоянно вспыхивают огневые точки, по дороге движется колонна автомобилей. Увидев «хейнкель», машины останавливаются, из них выпрыгивают солдаты, прячутся в канаве.
Это русские солдаты.

Михаил маневрирует между взрывами, снижается до 200 метров, идет вдоль шоссе. Внизу – пехота, которая тоже рассыпается, увидев «хейнкель» на бреющем.

Впереди вспаханное поле. На нем лужи, местами снег. Там курится дымок, здесь – орудия, там - танки.

Показалась полоска, затянутая дымком.

Девятаев лихорадочно соображает: «Если сейчас сесть на мягкую землю, самолет скапотирует. Надо создать снос – боковое движение. Тогда мокрая земля смягчит удар...»

«Хейнкель» боком коснулся земли, все, кто был в хвосте и середине фюзеляжа, оказались в кабине. Разбился фонарь, жидкая грязь со снегом повалили внутрь. Подул резкий холодный ветер. Михаил надевает на себя всю одежду, прислушивается: кто-то стонет, что-то шипит. И опять темно. В самолете дым... Нет, это пар... Он быстро рассеивается. Товарищи все живы, у некоторых легкие ушибы.

ДЕВЯТАЕВ

Где Кутергин?

Они выходят наружу, видят Петра в грязи прямо у самолета, он потерял сознание от удара – его выбросило из кабины. Положили на крыло, обмыли снегом лицо. Оно изрезано осколками стекла, кровоточит.

Соколов не может встать на ноги, его поднимают, растирают снегом лоб, виски.

Володя приходит в себя.

Они на свободе. И все же, сомнения есть – у своих ли сели? Ведь линия фронта может быть и не прямой.

ВОЛОДЯ

А если сели в «карман», а? Братцы, все может быть.

ИВАН

Вот что. Давайте возьмем пулемет, и двинем в лес. В случае чего будем обороняться!

Девятаев молчит.

Взяв пулемет, они побрели в лес. Прошли несколько метров, и начали падать. Обессиленные, с ранами, проваливаются в липкую грязь. Грязь набивается в деревянные башмаки, они становятся все тяжелее, ноги вытаскивают с трудом... Самых слабых почти несут.

Прошли еще несколько метров и окончательно выбились из сил. Впереди затрещал автомат...

ДЕВЯТАЕВ

Назад! К самолету!

ЭКСТ. У БАРАКОВ – ДЕНЬ.

На плацу начинается поверка – подняли весь лагерь. Летят удары, пинки, беснуются овчарки.

ВИЛЛИ

Где эти негодяи? Где русские? Повесим всех...

ИНТ. В ШТАБЕ – ДЕНЬ.

Грауденц, с перевязанной головой, докладывает по телефону в Берлин.

ГРАУДЕНЦ

Да, господин генерал, к сожалению, именно мой самолет. Да, экселенц, я готов к любому наказанию. Начальник лагеря посажен под домашний арест.

К штабу подъезжает «Мерседес», из него выходят рейхсмаршал Геринг, генералы. Геринг хватает командира авиабазы, генерала, за отвороты френча, как мальчишку, трясет его, орет.

ГЕРИНГ

Вы дармоеды! Кто разрешил вам брать пленных русских летчиков в команду аэродромного обслуживания! Построить весь личный состав!

ГЕРИНГ

(перед строем летчиков)

Вы сволочи! Вы дали украсть бомбардировщик каким-то вшивым русским военнопленным! Вы за это поплатитесь!

Все молчат. Командир авиабазы все же решился что-то попытаться объяснить.

КОМАНДИР

Разрешите, господин рейсмаршал...

ГЕРИНГ

Молчать! Ни слова оправданий. Вы и ваши дерьмовые летчики еще почувствуете мою руку! Где тот летчик, о котором вы докладывали в Берлин? Гауптман Бернгардт?

ГЕЛЬМУТ

Я здесь, герр рейхсмаршал!

ГЕРИНГ

Почему вы не сбили этот несчастный «хейнкель» ?

ГЕЛЬМУТ

Две причины, господин рейхсмаршал. Во-первых, я выпустил в бою все боеприпасы, во-вторых, возвращался на базу с последними каплями горючего.

ГЕРИНГ

Вы проверяли самолет Бернгардта, после того, как он вернулся?

ГЕНЕРАЛ

Так точно, герр рейхсмаршал. У Бернгардта не было ни одного патрона, и бензобак был пуст.

Геринг буркнул что-то невнятное себе под нос.

Эсесовец, генерал.

Господин рейхсмаршал, может быть, в связи со случившимся, стоит начать операцию «Балтика Утро» немедленно, прямо сейчас?

ГЕРИНГ

О Боже, Карл. Куда вы лезете? А кто будет обслуживать базу, ваши охранники? В конце концов, война еще не окончена. А если эти, которые улетели, передадут информацию об этой акции? И, не дай Бог, русским?! Вы представляете, какой очередной визг на весь мир мы получим! А ведь это мое хозяйство, Карл, а не вашего ушибленного Генриха. Нет, эти ублюдки будут жить. А вот коменданта, как его?

ГЕНЕРАЛ

Вилли Штрайх.

ГЕРИНГ

Расстрелять немедленно. И я вам советую
выполнить мой приказ прямо сейчас. И обязательно
допросите летчика, гауптмана. Что-то здесь не так...

Эсесовский генерал срывает с коменданта лагеря погоны и орденские планки.

Генерал допрашивает Гельмута.

ГЕНЕРАЛ

Так почему же вы все-таки не сбили этот проклятый
«хейнкель», гауптман? Что, решили выслужиться
перед русскими?

ГЕЛЬМУТ

Господин генерал. Я все доложил рейхсмаршалу.
Больше мне сказать нечего. Кроме одного – такого
свинского тона я не потерплю даже от генерала!

ГЕНЕРАЛ

Что?! Ну, ничего. До прихода русских мы вам все
кости пересчитаем, гауптман. Это я вам обещаю...

ГЕЛЬМУТ

Ну, в этом - то я как раз не сомневаюсь. Больше – то
ничего не умеете, господин генерал.

ГЕНЕРАЛ

Охрана! В карцер его.

ИНТ. КАБИНЕТ – ДЕНЬ.

Геринг с телефонной трубкой. Говорит Гитлер.

ГОЛОС

Герман, вы в своем уме?! Боевого офицера, одного
из лучших летчиков вермахта, подвергаете
унизительным допросам! Приказываю немедленно
освободить Бернгардта. И пусть генерал,
допустивший бестактность, принесет ему свои
извинения. Так же передайте гауптману Бернгардту,
что я лично награждаю его Рыцарским крестом.

ГЕРИНГ

Да, мой фюрер...

ЭКСТ. У ШТАБА – ДЕНЬ.

Геринг кое-как залезает в «Мерседес» и говорит водителю: «Домой». Он откидывается на подушке сиденья, закрывает глаза, и бормочет.

ГЕРИНГ

Скорей всего, это и есть конец. Так он со мной еще никогда не разговаривал.

Последние кадры о лагере в Пенемюнде: всех оставшихся узников грузят на баржи, уходят в море, пристают на другом берегу залива, выгружают, гонят колонну по дороге, залитой весенней водой. Ранним утром их догоняют советские танки. Заключенные тут же бросаются на своих мучителей: всех этих капо, штубовых, блокфюреров... Мелькают в толпе искаженные лица, некоторые из них знакомы нам: Вилли Черный, Эрвин...

ЭКСТ. ЛЕС – ДЕНЬ.

«Экипаж» бежит спотыкаясь, к «их» самолету. Рассредоточиваются в кабине, в фюзеляже около иллюминаторов.

ДЕВЯТАЕВ

Стрелять только по моему сигналу! Если окружают, будем погибать. Надо только их поближе подпустить. Для себя патроны оставьте... Но это кто как сам решит.

Между деревьями замелькали фигуры. Слышен гул автомашины. Из кузова посыпались люди. До сих пор непонятно, кто они – расстояние все же значительное. Девятаев сидит в кабине стрелка-радиста с пулеметом в обнимку. Отсюда ему видно лучше и дальше, чем другим. И он первым узнает родные гимнастерки.

ДЕВЯТАЕВ

Наши!

ГОЛОСА

Эй, фрицы, сдавайтесь! Хенде хох!

ДЕВЯТАЕВ

Гитлер капут!!!

Все смеются, а Михаил, высунувшись по пояс из разбитого фонаря, кричит.

ДЕВЯТАЕВ

Братцы, мы не фрицы. Мы свои. Советские! Из плена бежали на фашистском самолете!

Солдаты останавливаются. Потом несколько человек подходят к самолету, и «экипаж» - полосатый, избитый, - выходит к ним. Начинается братание.

Следующая сцена: их почти бегом несут к части. Именно несут – кого – то с двух сторон держат под мышки, Кутергина вообще на руках...
И почему – то почти бегом. Наверное, это что-то нервное.

ИНТ. СТОЛОВАЯ – ВЕЧЕР.

Они стоят, держась друг за друга, кучкой. Их угощают папиросам, махоркой, сигаретами. Полно народа, все что – то говорят, шум стоит страшный. Вдруг все замолкают. В тишине слышится плач, явно детский. Это рыдает Сердюк.

ГОЛОСА

Да вы посмотрите на них! До чего людей довели,
сволочи! Тени остались. Даешь жратву!

Посыпались консервы, из кухни притащили мясо. Они бросаются на еду... Сквозь толпу прорываются трое врачей из медсанбата.

ВРАЧИ

Прекратите их кормить! Они умрут! Они истощены!
Надо понемногу...

«Экипаж» отбивается от врачей, жадно глотает куски мяса. Появляется командир полка, майор со звездой Героя. Он с грустью рассматривает их, потом спрашивает.

КОМАНДИР

Кто же летчик?

Девятаев выходит к нему.

КОМАНДИР

Эх, мил человек. Кожа да кости. Как же ты самолет-
то вел?! Ну-ка, старшина, дай мне фляжку...

Командир наливает немного спирта в кружку, подает Девятаеву.

КОМАНДИР

Пей. Ты, брат, герой. Помяни мое слово, такую же
получишь... Пей.

Он кружкой касается своей звезды...

ИНТ. КАБИНЕТ – ДЕНЬ.

Девятаев, чуть-чуть пришедший в себя, сидит в кабинете полковника «Смерша». Идет допрос.

ПОЛКОВНИК

Так почему же вас все же не сбили? Вы ведь сами показали, что «мессершмит» имел полную возможность для этого. И не только «мессершмит». Я основываюсь только на ваших предварительных показаниях.

ДЕВЯТАЕВ

Товарищ полковник...

ПОЛКОВНИК

Товарищ!? Хм. Ну ладно. Пока еще товарищ. Рассказывайте.

ДЕВЯТАЕВ

Да в том - то и дело, что нечего больше рассказывать. Все раньше рассказал, прибавить нечего...

ПОЛКОВНИК

Говори, гадина... Заслали, с каким заданием? Говори... Ух, я б тебя...

ДЕВЯТАЕВ

Все, полковник. Ты больше не ори, глотку порвешь. Не таких видал. Пугать меня - пустое дело. Больше ты от меня ни слова не услышишь. Баста.

ПОЛКОВНИК

Хорошо. Допрос окончен. Завтра поговорим. Охрана! В карцер его.

ИНТ. КАБИНЕТ СТАЛИНА. НОЧЬ.

Берия докладывает Сталину.

БЕРИЯ.

Иосиф Виссарионович, тут у нас совершенно необычная история. Приземлился в прифронтовой полосе «хейнкель», а в нем десять наших военнопленных. Сбежали из лагеря с острова Узедом. По предварительным данным, обладают ценной информацией о работе немцев с ФАУ и о реактивных истребителях.

СТАЛИН.

Мне уже докладывали, Лаврентий. И что ты скажешь?

БЕРИЯ.

Вообще – то, история темная. Необыч – ная. Летчик этот, Девятаев... Как они умудрились умыкнуть самолет с режимного объекта...

СТАЛИН.

Да. Русский человек, от него не знаешь, чего ждать. Что – нибудь, да отчебучит...

БЕРИЯ.

Да не русский он. Мордвин.

СТАЛИН.

Это ты, Лаврентий, не русский. Грузином был, грузином и помрешь. А я вот русский. И летчик этот русский. Ты его проверь, и если ничего нет, оставь в покое человека, Лаврентий. Тем более, если что-то знает.

БЕРИЯ.

Слушаю, Иосиф Виссарионович.

ИНТ. СТРОЕВАЯ ЧАСТЬ. ВЕЧЕР.

Девятаева под конвоем приводят в строевую часть. Сидящий за барьером майор спрашивает.

МАЙОР

Куда вам проездные выписывать?

ДЕВЯТАЕВ

Проездные?

МАЙОР

Ну да. Куда убывать собираетесь?

ДЕВЯТАЕВ

Убывать собираюсь... В Казань убывать собираюсь.

МАЙОР

Понял. Сейчас сделаем. Вы пока присядьте, товарищ старший лейтенант.

В ЗТМ

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС

Через пятьдесят семь лет после войны, в 2002 году, на острове Узедом снимали документальный фильм о Михаиле Девятаеве, которому к тому времени было уже за восемьдесят. Тогда и состоялась его встреча с «тем, который не стрелял» - Гюнтером Хобомом, прототипом Гельмута Бернгардта.

Идут документальные кадры: Девятаев и Хобом идут по той самой летной полосе, что – то говорят друг другу, жестикулируют. Потом сидят на открытой веранде маленького кафе, берут по рюмке водки. Выпивают. Хобом кладет руку на плечо Девятаева. Они встают и обнимаются. Все это показано без звука, в полной тишине.

КОНЕЦ